

I

Открытый доступ:

Вперед к Интернету смысла

14 февраля 2002 года в Интернете появился небольшой текст, содержащий менее тысячи слов: «Будапештская инициатива открытого доступа» (ВОАИ), он дал возможность публичного обсуждения между шестнадцатью участниками, которые собрались 1 и 2 декабря 2001 года в Будапеште, по приглашению фондов Открытого Общества (тогда они были известны как Институт «Открытое общество»).

На самом деле, встреча в Будапеште была местом страстных (и часто расходящихся) аналитических высказываний и критических замечаний по различным дисфункциональным аспектам научной коммуникации: медленный редакционный процесс, высокая цена журналов и неспособность использования Интернета - все это были препятствия для развертывания оптимальной системы общения для научных исследований. Однако в конце дня, поскольку не было достигнуто согласия, появилась идея создания позиционного документа, своего рода манифеста: было высказано мнение, что усилия, необходимые для достижения такого результата, помогут прочно соединить небольшую группу, которая был создана в Венгрии, и помочь ей продвигаться вперед - несмотря на первоначальные различия.

Благодаря чудесам интернет-общения, создание позиционного документа сработало. Сближение была достигнуто в форме документа, который появился в День Святого Валентина в 2002 году. Фактически, виртуальный разговор между участниками вызвал энергетику и энтузиазм, которые быстро превратили термин «Открытый доступ» в движение. Следует добавить, что текстовое оформление ВОАИ было мастерски проведено Питером Субером, который также предоставил документу собственный удачный стиль письма. Началось с красивого и громкого заявления, которое создало форму исторической необходимости Открытого доступа:

«Старая традиция и новая технология объединились, чтобы сделать возможным беспрецедентное общественное благо»

Свадьба старого - научного этоса - с новыми компьютерами и Интернетом вызвала мощный, исторически обоснованный синтез, который сделал ВОАИ притягательным. Фактически, Будапештская инициатива заявила, что «Открытый доступ» - это не торопливо состряпанное чувство маленькой маргинальной группы ученых и исследователей, недовольных своей системой общения; вместо этого она заново определила центральную

позицию коммуникации как основы научного предприятия. Коммуникация, как ярко оценил Уильям Д. Харви, является «сущностью науки», и благодаря Интернету научное общение может далее мыслиться как распределенная система человеческого интеллекта. Этот глубоко человеческий проект - действительно, научная революция - соответствует самостоятельному продвижению человечества на все возрастающие уровни понимания реальности.

Самыми важными ценностями науки, которые определил великий социолог науки Роберт К. Мертон, были вековые устои, этос, возникший с научной революцией. Действительно, благодаря новым возможностям, предлагаемым печатной технологией, в 17 веке расширились формы распространения человеческого интеллекта. Теперь, с ростом глобальных компьютерных сетей, явно находится в стадии реализации следующий этап в развитии распределенного человеческого интеллекта. Открытый доступ — это просто способ выразить перекрестное обогащение самой культуры науки новыми технологиями для оптимизации ее потребностей в коммуникационной системе.

Как казалось, в 2002 году сила сетевых мозгов могла быть освобождена несколькими относительно простыми шагами, и это можно было сделать быстро, настолько очевидным и убедительным было изображение Стивана Харнада «skywriting», поскольку оно впервые появилось в конце 80-х. Однако через 15 лет после ВОАИ история еще раз учит нас тому, что мы должны быть как постоянными, так и терпеливыми. Многого произошло, и многое из этого положительно, но анализ достигнутых результатов также стал неотложной задачей, хотя бы для того, чтобы получить четкое представление о наших отношениях: хотя Открытый доступ теперь здесь, чтобы навсегда остаться, он также отражает различные формы, не все из которых соответствуют проекту распределенного человеческого интеллекта, для которого он создан. Постепенно возникали также малые, деградированные формы открытого доступа, иногда в результате игр власти, иногда из компромиссов, предложенных людьми доброй воли. В то же время очень много социальных субъектов, вовлеченных в открытый доступ, сделало поле деятельности намного сложнее, чем пятнадцать лет назад.

Между тем, цифровая культура прогрессирует быстро, и ее последствия являются более глубокими, чем только технологические. Например, само понятие документа как инструмента для структурирования мысли, памяти и поддающихся проверке предсказаний претерпевает глубокие преобразования, которые не будут полностью поняты десятилетиями. Для того, чтобы печатать документы потребовались столетия. Открытый доступ

является побочным эффектом цифровой культуры, и его нельзя понять без ссылки на нее.

В отсутствие компьютеров и сетей доступ к знаниям ограничивался тем, что могли предложить книжные дилеры и библиотеки. В качестве субсидируемого читателя ученый ограничивался тем, что было доступно в местной библиотеке, и это был лучший вид доступа, который можно было предложить в мире печати. Когда те же ограничения сохранились с цифровыми документами, передаваемыми по сетям, очень многие оспаривали его обоснование. Возможно, будучи законными для романов и кулинарных книг, авторы которых получали оплату за материал, который они внесли, эти искусственные барьеры не имели никакого смысла для производства знаний. С другой стороны, Открытый доступ имеет смысл. Именно это и заявила ВОАІ в 2002 году.

II

Открытый доступ:

Суть распределенной коммуникационной системы среди производителей знаний

Доступ означает доступ. Когда затрудняется доступ к документам, страдает качество общения с людьми. Затрудненный доступ может принимать самые разнообразные формы: от ограничения того, кто именно может работать с документами, до отсрочки, когда именно такая работа может иметь место. Например, ищут цель финансовые барьеры и эмбарго, которые могут показаться парадоксальными только с точки зрения ученого: если финансовая основа системы связи приводит к трудностям для ученых, что следует изменить? Ответ прост, и речь идет о простых приоритетах: коммуникационная система науки и ее цели объективно превосходят бизнес-планы, а не наоборот. Не говоря уже о том, что система научных связей - это не система коммуникации вообще, а скорее архив или способ определить авторство какой-либо идеи, теории или концепции, поэтому мало смысла рассматривать научное общение как набор товарных услуг, а не как фундаментальные основы для создания и проверки знаний. Лучшая демонстрация приоритета коммуникации над бизнес-планами становится ослепляюще очевидной, когда возникает чрезвычайная ситуация. Эбола и эпидемия Зики побуждали исследователей и некоторых издателей открывать доступ к необходимой литературе и данным для борьбы с бедствием. Однако необходимость доступа к проверенным знаниям не ограничивается периодами кризиса; она точно также влияет на каждый момент создания знаний.

Достигаемость распределенной системы человеческого интеллекта, в конечном счете, ограничена ограничениями, связанными с человеческим общением. Понятие открытого доступа нацелено именно на описание того, насколько далеко может распространиться распределенная система человеческого интеллекта, необремененная искусственными кандалами. Это то, что ВОАІ выразил несколькими, сильными словами: «... литература будет свободно доступна, когда пользователи смогут читать, загружать, копировать, распространять, печатать, искать или ссылаться на нее, передавать ее как данные аналитическому программному обеспечению, или использовать ее для любых других целей, без финансовых, юридических или технических барьеров, кроме тех, которые определяются доступом к самому Интернету».

Разумеется, распределенная система человеческого интеллекта должна уделять внимание участвующим в ней людям, например, мотивировать и вознаграждать их, но ее главной задачей остается сама коммуникационная система и ее эволюция. Вознаграждение и признание лиц в любом случае должно быть отделено от веления распространения и доступности знаний.

Соображения, которые распространяются на отдельных лиц, в том числе такие печатные понятия, как «авторство», могут усилить распределенный характер системы, но с точки зрения коммуникации человек занимает второе место в общей системе. Все большее число научных «авторов» в опубликованных статьях практически всех дисциплин подчеркивает тот факт, что производство знаний опирается на сетевых людей, а не только на отдельных самостоятельных личностей. Однако какой-то конкретный исследователь может опираться на своих научных коллег, и все равно будет зависеть от других ученых и исследователей. «Стоя на плечах гигантов» - хорошо отрететированный афоризм с 12-го века (Бернард де Шартр), перешедший через Ньютона в нынешнюю социологическую литературу, а Ньютон вполне мог бы вызывать нехорошую усмешку в Гуге, учитывая его миниатюрный рост, когда он использовал эту фразу. Однако даже Ньютон не мог избежать связывания своих достижений с его предшественниками и коллегами.

Форма научного производства, связывающая большое количество людей, способствующих продвижению ее результатов и данных к созданию все более сложных моделей, также работает в этом направлении. В конце концов, значение имеет степень сохранности проверенных форм знания, а не их авторство. Эти формы знания сохраняются не на основе славы или авторитета, а потому, что они, как представляется, дают лучшее выражение того, что мы, как вид, воспринимаем как реальность. Результатом нашей системы распределенного интеллекта всегда является неопределенная форма

знания, которую всегда можно отбросить. Но когда его отмечают, это происходит в результате какого-то другого выражения реальности: научное знание безусловно опровержимо, но это не просто частное мнение.

Эти замечания о распределенном человеческом интеллекте призваны повторить один простой, центральный принцип: ядро научного предприятия основано на человеческом общении. Общение, действительно, суть науки.

Для максимально хорошего производства знаний выявление стоящих собеседников, которые могут быть частью плодотворной беседы, является основополагающим. Кроме того, результаты работы необходимо размещать в устойчивой форме, чтобы облегчить ее критическую оценку. В мире печатных изданий эту роль играют «статьи» или «монографии». Вокруг них формируются сообщества доверенных членов и подпитывают дальнейшие разговоры, дальнейшие дебаты. Таким образом строится «Великая беседа» науки.

В цифровом мире потребность в стабильных формах выражения, поддерживаемая доверенными сообществами исследователей, не исчезает. На данный момент мы все еще полагаемся на печатные формы публикации, известные как «статьи» и «монографии», но мы их расшифровываем в форматы файлов PDF. Однако лучший способ интерпретировать этот перенос печатных материалов в цифровые публикации - признать, что мы все еще живем в эпоху «цифровой инкунабулы»; а в будущем, несомненно, появятся новые перспективы - и форматы. После того, как появятся и стабилизируются надлежащие документальные потоки, соответствующие цифровому контексту научной и исследовательской работы, будет ясно, что Открытый доступ всегда необходим для раскрытия ее полного потенциала.

III

Открытый доступ: Как это выглядит, где вы находитесь?

а. Будапешт: первые две дороги для открытого доступа

В 2002 году многие элементы цифровой революции, затрагивающие научные публикации, были еще более трудными для восприятия, чем сейчас. Ранние сторонники открытого доступа, такие как автор этих строк, склонны считать, что статьи и журналы являются неотъемлемой частью любой стратегии, ведущей к открытому доступу. Многие по-прежнему делают это, и эта убежденность, очевидно, повлияла на то, как развивались дебаты по Open Access. Это было также отправной точкой обсуждения, которое началось с BOAI, и все еще продолжается.

Два подхода, определенные в BOAI, принадлежат либо к созданию или реформатированию журналов, основанному на подписке в Открытом

доступе, либо к статьям с самоархивированием в репозиториях Открытого доступа. Это определение наилучших путей достижения Открытого доступа сразу вызвало ряд второстепенных вопросов, которые в первую очередь включали вопрос о подходящих бизнес-моделях для журналов, а, во-вторых, каким-то образом координировали и организовывали различные серверы, на которых хранились самоархивированные публикации. В последнем случае встреча в Санта-Фе, проведенная в октябре 1999 года по инициативе Герберта Ван де Сомпеля, Пола Гинспарга и Рика Люси, вызвала «Конвенцию Санта-Фе» - метод, позволяющий серверам электронной печати раскрывать свои метаданные друг другу. Эта работа действительно превосходила серверы eprint для обращения к библиотекам, музеям и даже издателям журналов. Это также привело к созданию «Инициативы открытого архива» (ОАИ) в 2000 году, а первая версия протокола, которая была известна как ОАИ-РМН, была обнародована в начале 2001 года. В результате и, что не удивительно, серверы e-print были быстро замечены в мире библиотеки.

На стороне журналов финансовые вопросы возникли почти сразу. Во-первых, мир печати превратил печатные экземпляры в товар, в отличие от рукописей, которые выпускались как услуга. Во-вторых, научный и образовательный журнал, подстраиваясь под эту товарную перспективу, принял подписку в качестве своей бизнес-модели. Вопрос о расходах на подписку на журнал был вопросом вторичным, поскольку расходы, как правило, оставались достаточно разумными. Тем не менее, он вышел на передний план для библиотек, начиная с 1970-х годов. Библиотекари регулярно отмечали быстрый рост подписки а журнал, и жалобы на растущие издержки множились во всем мире.

В этой новой ситуации частично виноват Индекс цитирования Евгения Гарфилда, который утверждал, что он идентифицировал ограниченный набор журналов как «основные», и начал оценивать их метрикой на основе цитирования – импакт-фактором – сначала это была ссылка на видимость в этом ограниченном наборе журналов, но слишком быстро преобразовался в показатель качества. Библиотекари, пытаясь установить оптимальное соотношение цены и качества, выстроились как железные опилки в магнитном поле: они стали предполагать, что «основные» журналы «необходимо иметь», что привело к появлению неупругого рынка журналов. Ситуация быстро начала использоваться, сначала коммерческими издателями, а затем и более широким сообществом. В конечном итоге это привело к появлению множества последствий, начиная от ранних попыток создания открытых хранилищ, таких как проект E-biomed (предложенный Гарольдом Вармусом), онлайн-рописи (первое воплощение «Публичной библиотеки наук»), также возглавляемой Вармусом, вместе с Пэт Брауном и

Майклом Эйзенем в начале 2000 года. Публикационные проекты появились почти сразу (BioMed Central в 2000 году и второе воплощение Публичной библиотеки наук в 2001 году).

Когда состоялась встреча в Будапеште в конце 2001 года, было уже довольно много истории, которая эффективно способствовала искажению общей динамики встречи. Если бы встреча, ведущая к ВОАИ, была проведена двумя годами ранее, то было бы вполне вероятно, что доминировать в обсуждениях будет главный пример Арксива Пола Гинспарга. Его репозиторий для высокоэнергетических физико-математических работ, который сложился в Национальной лаборатории Лос-Аламоса, десятилетиями удовлетворяет потребности физиков. Перенос одного и того же решения в другие дисциплины изначально казался невероятным. Однако, когда это было предложено всерьез, журналы, особенно имеющие высокоценные публикации, сразу же выразили осторожность. В конечном итоге, бюджетные проблемы журналов стали доминирующими, и в мире с едва заметными репозиториями распространились их незавидные варианты, начиная от размещения статей, которые, в лучшем случае, не были рецензированы, из журналов более низкого уровня. К тому времени, когда состоялась встреча ВОАИ, решение хранилища выглядело гораздо более проблематичным, чем в 1999 году, и решение журнала казалось гораздо более перспективным.

Во время встречи в Будапеште должен был быть представлен проект Stevan Harnad для сохранения репозитория. И он сделал это, несмотря на то, что был в меньшинстве, и трудности, с которыми столкнулся в убедительном доказательстве своего дела. Не то, чтобы эта сложность была его виной: в свете проблем с интеллектуальной собственностью, возникла и проблема, связанная с тем, можно поместить документы в хранилища, не нарушая авторское право. Беспокойство в этой области, в какой-то момент, побудило Харнада предположить, что документ в его окончательной форме может быть депонирован в двух видах, первый соответствует версии, предшествующей опубликованию (peer review), а затем, после того, как будет принята окончательная копия, может быть добавлен вторичный файл документирующий различия между исходным представлением и окончательной, готовой к публикации копией. Излишне говорить, что было трудно представить легкий успех такого сложного процесса как для авторов, так и для читателей. В последующие годы появились другие решения, но для многих исследователей сложности самодепонирования, реальные или воображаемые, послужили хорошим предлогом для того, чтобы ничего не делать. Однако осталось то, что постоянная защита хранимого в хранилищах оказалась очень важным элементом в определении того, что означает «Открытый доступ», и какой арсенал тактики и стратегий можно было бы использовать для его защиты и расширения.

В конце концов, ВОАI включил две хорошо известные стратегии, которые с тех пор сопровождали все обсуждения Открытого доступа. Собственно говоря, термины «зеленые» и «золотые» пути появились где-то около 2003 года и, вероятно, придуманы самим Стиван Харнадом. Затем была сформирована площадка для развития двух разных динамик: с одной стороны, в основном под управлением множества библиотек, стали быстро размножаться по всему миру хранилища. Примерно в то же время BioMed Central под руководством Яна Велтеропа, еще одного ветерана Будапештской встречи, начал проверять экономическую жизнеспособность переходов от читателей к авторам (или какой-то прокси-организации, выполняющей эту роль). «Платформа обработки статей» (APC) появилась как новая бизнес-модель, поддерживающая BioMed Central и вскоре после этого - Публичную библиотеку наук (PLOS), поскольку она стала издательским предприятием, благодаря важному вливанию капитала Гордона и Фонда Бетти Мур.

За три коротких года, с 1999 по 2002 год, возможное будущее научных публикаций резко изменилось: после серии разрозненных исследований в области электронных изданий, которые начались чуть раньше 1990 года, новые возможности в доступе к научной литературе стали все более заметными и сделали существующее положение системы научной коммуникации менее сносным. Появление компьютеров и сетей ясно показало, как может выглядеть решение. Но когда наступил момент реализовать видение (или сон), быстро стали очевидными прагматические трудности.

Хранилища были затронуты немедленно, и эксперименты с электронным изданием журналов проходили осторожно и несколько медленно, поскольку издатели проверяли финансовые параметры этих новых предприятий. С точки зрения сторонников открытого доступа будущее выглядело сложным: если будущее будет сосредоточено на создании журналов нового поколения, то должно ли оно полагаться на переформатирование существующих журналов в Открытый доступ, опираясь на какую-то новую бизнес-модель, например, БТР? В то же время, что можно сделать с репозиториями? Они строились на впечатляющем эффекте, но их заполнение за пределами 15-20% их потенциала, казалось, было главной проблемой. Чтобы сделать ситуацию еще немного более сложной, некоторые отстаивали одно решение - зеленое или золотое - исключая другое. Виражи и повороты открытого доступа иногда описывались с точки зрения относительной эффективности, с которой пути Золотой и Зеленый соответственно открывали доступ к результатам исследований. Эти обсуждения способствовали поддержанию двух путей, зеленого и золотого, как отдельных, а не дополняющих друг друга. Они также не учитывали более глубокие силы цифровой культуры в сфере труда. Наконец, они часто недооценивали конкретные характеристики и доли

важных участников дискуссии: финансирующих агентств, библиотек и включающих их учреждений, крупных издателей и правительственных министерств. Еще более удивительно, что люди, для которых существует система научной коммуникации, в значительной степени находятся в стороне: исследователи, непосредственно участвующие в дебатах по Открытому доступу, остались немногочисленными, и они не всегда разделяли одну и ту же перспективу. С другой стороны, издатели и библиотекари занимали центральное место: неудивительно, учитывая тот факт, что большая часть денег, поддерживающих систему научной коммуникации, протекала напрямую от последних к первым. Однако это также означало, что формирование будущего научного общения не всегда было в руках тех, кто больше всего в нем нуждался.

б. Во-первых, они игнорируют вас; тогда они смеются над тобой; тогда...?

Начнем с издателей и их научного общения. Среди них должна быть выделена небольшая группа важных, международных и прибыльных компаний. Они сформировали сам смысл открытого доступа. Некоторые издательства крупных обществ, например Американское химическое общество, часто вели себя так, что не отличались от первой категории издателей, но их следует рассматривать отдельно. Различаются их мотивы: поддержание доверия инвесторов остается отличным от того, чтобы довольствоваться только платежным балансом.

Термин «публикация в науке» охватывает многие аспекты торговли, которые до недавнего времени ограничивались только какой-то формой печатной продукции. Книжки и журналы видели, что их относительная значимость меняется со временем и в соответствии с дисциплиной. В целях открытого доступа удобный фон разумно начать после Второй мировой войны. Здесь вводятся несколько необходимых точек, хотя бы для того, чтобы подчеркнуть текучесть ландшафта, который все еще быстро меняется.

- Десятилетие после Второй мировой войны свидетельствует о жестоком ускорении научных исследований (и научных публикаций). Коммерческие издатели пользуются этой новой ситуацией, поскольку издателям обществ трудно быстро меняться в масштабах;
- Библиографии становятся стратегическими инструментами для международного научного конкурса. Еще более фундаментально, индекс цитирования науки Юджина Гарфилда (SCI), впервые предложенный в науке в 1955 году и запущенный в 1964 году, приводит к разделению мировой научной литературы на две категории: «основные» публикации, вставленные в SCI, а все остальные, не входящие в нее. Предлагая способ ранжирования журналов благодаря метрике, основанной на цитированиях, Гарфилд создает

конкурентную основу для «основных» публикаций. Это привело к глубокому переосмыслению всего мира научной публикации.

- Начиная с 70-х годов, кризис серийных цен, который давно был известен, начинает набирать скорость: «основные» публикации стали частью установленного неупругого рынка. Все чаще крупные коммерческие издатели имеют завидный уровень прибыли;
- Начиная с конца 80-х годов, коммерческие издатели начинают изучать возможность публикации в электронном виде. В 1991 году Elsevier объявляет эксперимент TULIP. Извлекая страницу из плей-листа программного обеспечения, Elsevier отказывается от продажи журнальных выпусков и книг в пользу доступа к ним для лицензирования. Теперь библиотеки приобретают право доступа к документам, а не владеют ими. Вся концепция создания коллекций в библиотеках начинает разрушаться;
- В конце 90-х годов издатели начинают предлагать доступ к все более крупным подмножествам своей коллекции журналов. Серверы издателей постепенно становятся доминирующими; локальный каталог публичного доступа в Интернете (OPAC) становится способом контроля доступа и ограничения его для «законных» пользователей в поразительном развороте традиционно приветствуемого отношения библиотек к пользователям всех видов. Поскольку издатели постепенно расширяют услуги, созданные благодаря оцифровке своих публикаций, понятие платформы выходит за рамки оригинальной концепции «портала», и начинает охватывать целую пользовательскую среду;
- В 1996 году Academic Press знакомит с «Большой сделкой». Это относится к практике объединения, которая предлагает скидку учреждениям, которые покупают доступ ко всему набору журналов. В то же время пакет настроен на то, чтобы стоить больше, чем набор журналов, изначально предназначенных для библиотеки, тем самым увеличивая поток доходов издателя. Она также защищает издателя от библиотек, пытающихся сократить подписку, сделав это довольно дорогостоящим. Сделка, как правило, оправдывается уменьшением стоимости наименования, но не уменьшает стоимость за консультацию. Это также разрушает концепцию коллекции. Наконец, в период ужесточения библиотечных бюджетов «Большая сделка (Big Deals)» ускоряет концентрацию издателей, помещая меньшие из них в невыгодное конкурентное положение. Бизнес-модель довольно успешна и принята другими крупными издателями.
- В 1998 году Томас Уокер и Флоридский журнал энтомологии предлагают авторам возможность покупать больше информации, заплатив за то, чтобы был эффективный Открытый доступ к их статьям. В 2003 году Дэвид

Проссер, защитник открытого доступа, рассматривает возможность обеспечения стабильной трансформации журналов на основе подписки, предлагая авторам возможность отказаться от Открытого доступа для своих статей. Идея Проссера рассмотрена различными издателями и была, в целом, реализована как «Гибридные журналы», что означает журналы, которые являются частично платными, и частично открытого доступа. В 2004 году Спрингер начинает экспериментировать с идеей под названием «Open Choice (Открытый выбор)». В 2005 году Ян Велтероп переходит из BioMed Central в Шпрингер для наблюдения за программой Open Choice издательского гиганта;

- В 2004 году Elsevier запускает SCOPUS в качестве конкурента Web of Science (из SCI). Идея связать издателя с Интернетом науки пришла от Роберта Максвелла, но он так и не смог достичь своей цели, несмотря на энергичные попытки сделать это (в том числе и с помощью иска против Э. Гарфилда). Продажа Пергамона в Elsevier, возможно, помогла воплотить идею Максвелла в издательском гиганте, но с изюминкой: Elsevier взялся за создание новой Сети науки;

- В 2006 году, частично из-за финансовых трудностей, PLOS изобретает так называемый «мега-журнал» как способ укрепить финансовую стабильность PLOS. Мега-журнал внедряет инновации несколькими способами:

- Он отделяет заботу о качестве от ориентации на редакцию. Влияние и важность должны решаться пользователями;

- Он направлен на публикацию тысяч статей в год (следовательно, «мега»): PLOS One достиг максимума в 31 500 статей в 2013 году и постепенно сократилась до 22 054 статей в 2016 году;

- Он заменяет понятие платформы тем, что принадлежит журналу;

- Несмотря на то, что JCR предоставил импакт фактор JCR, таковой показатель мега-журнала мало значит: такая платформа публикует по широкому кругу тем в разных пропорциях, причем каждая из них соответствует отдельной традиции цитирования.

С 2006 года у PLOS One было много подражателей, хотя бы потому, что он оказался довольно прибыльным делом. С таким бизнес-планом с вариациями также экспериментирует такой издатель, как PeerJ;

В октябре 2008 года BioMed Central приобрел Springer: это представлено как открытый доступ к «мейнстриму», то есть он был принят одним из «крупных» международных научных изданий;

После 2008 года большинство коммерческих издателей начинают претендовать на роль победителя в области Открытого доступа. Они начинают предлагать широкий спектр издательских решений, начиная от полных журналов открытого доступа (включая мега-журналы) до абонентов (без ОА), с гибридными журналами между ними;

Это краткое описание эволюции коммерческих научных издателей позволяет выделить несколько отдельных периодов:

- Послевоенный период быстрого роста научных исследований (1945-1970 гг.) Подтверждает роль коммерческих издателей как мощных участников научной публикации;
- Последний период печатной публикации (1970-1995 годы) создал критерии ценообразования на последующие периоды; они в том, что финансовая мощь коммерческих издателей сводится к консолидации;
- Период, начиная с 1995 по 2005 год, показывает, что издатели экспериментируют с цифровой публикацией, в то же время игнорируя или сопротивляясь Открытому доступу. «Большие сделки» доминируют в этот период;
- С 2005 года крупные коммерческие издатели постепенно добавили Открытый доступ в свои бизнес-планы либо в виде полных журналов ОА, либо, чаще всего, путем открытия в своих журналах подписки на возможность создания отдельных статей ОД (гибридных журналов).

В то время как коммерческим издателям удалось занять доминирующую (и олигархическую) позицию в научной публикации, издатели-общества путешествовали по широко расходящимся дорогам. Серийный ценовой кризис побудил многие общества также повысить цену своих журналов. Таким образом, они стали зависимыми от доходов, которые могли бы использоваться для поддержки других видов деятельности: конференций, стипендий и т.д. Эта стратегия работала особенно хорошо для «основных» научных журналов и крупных научных обществ, особенно англоязычных, которые, как правило, переориентировались на этот переход с легкостью.

С другой стороны, небольшие общества с «неосновными» журналами оказывались постепенно вытесненными с рынка подписки, особенно после того, как «Большая сделка» вошла в игру. Для таких обществ было мало вариантов, кроме как продавать или сдавать в аренду их журнальные операции более крупным коммерческим издателям. Многие сделали это, хотя во многих случаях это также означает, что имя журнала становится собственностью большого издателя. Журналы гуманитарных и социальных наук, как правило, относятся к этой категории.

Проблемы, с которыми сталкиваются малые общества, схожи с проблемами, которые регулярно встречаются в научных публикациях в развивающихся или отстающих странах: в большинстве случаев такие публикации регулярно игнорируются в индексах и библиографиях цитирования. Хотя они могут иметь решающее значение для управления карьерами на национальной или местной сцене, они сохраняются на второстепенных ролях, поскольку публикация в «международных» журналах - другое название «основных» журналах - остается «золотым стандартом» и так называемые «национальные» журналы часто отвергаются как посредственные.

Следует упомянуть категорию псевдо-журналов (или «хищных» журналов) (в России – «мусорных»). Такие журналы использовали бизнес-модель APC-Gold. Можно добавить, что без БТР «грабительские» журналы не могли существовать. Часть привлекательности модели APC заключается в том, что она предоставляет бесплатный способ публикации, поскольку все затраты покрываются авансом. Некоторые «креативные» бизнесмены просто отказались от peer review (рецензирования) в целом и выдвинули статьи в Интернете в качестве средства для оправдания сбора БТР. Рынок существует для этого безумия, но только потому, что многие авторы считают, что их карьера зависит от публикации любой ценой. Наивные или нет, они готовы заплатить за публикацию. Первым следствием этой незаконной бизнес-стратегии является загрязнение научного архива. Второй результат более косвенный: наличие «хищных» журналов делает все журналы с менее известными заголовками сомнительными. Неопределенность в отношении них возрастает. Симметрично наличие «хищных» журналов имеет тенденцию укреплять статус «основных» журналов, поскольку они, по-видимому, будут считаться «безопасными».

с. Какова роль библиотек?

Библиотеки традиционно стояли между издателями и пользователями (исследователи, преподаватели, студенты), и они управляли бюджетами на приобретение, которые оправдывали возведение великолепных храмов знаний, которые до сих пор продолжают доминировать в университетских городках. Библиотека McLennan в Университете Макгилла повторяет эту амбицию, когда она отстаивает (выгравировано на камне), что «Созерцающая яркое лицо истины в тишине и спокойствии восхитительных исследований» - это ее смысл. Следующие пятьдесят лет, увы, подорвали большую часть этой превосходной позиции.

Серийный ценовой кризис многое сделал для уничтожения амбиций библиотек. Поскольку бюджеты библиотек оставались в значительной степени плоскими или, во многих случаях, сопровождались регулярными сокращениями, в скором времени поддержка подписки на журналы

потребовала отвлечения значительных ресурсов от приобретения книг, особенно для социальных и гуманитарных дисциплин. Это также распространилось на университетскую прессу, которая всегда выполняла значительную и важную задачу по выпуску нужных книг, которые не могли быть созданы коммерческими издательствами. Из-за трат на восстановление своих издержек и отсутствия субсидий коммерчески нежизнеспособных предприятий, такие издательства начали подражать коммерческим и, следовательно, конкурировать с ними, сталкиваясь с усугубляющимся давлением рынка. Затем возникла следующая трудность: переговоры по подписке на журналы стали значительно отличаться от закупки набора книг и покупных журналов. На самом деле, еще в 90-х годах многие библиотеки оказались плохо подготовленными к выполнению этой новой задачи. Это привело к созданию консорциумов, а также способствовало развитию коллективных «больших сделок», охватывающих сразу десятки учреждений. В Канаде, например, Национальный проект лицензирования национальных сайтов (CNSLP) - предшественник Канадской сети научных исследований - охватывает более шестидесяти учреждений, то есть большинство университетов в стране. Канадский консорциум быстро поддержал переговоры с «Большими сделками», аргументируя снижением стоимости за наименование и тем, что такие механизмы создали «ровное игровое поле» для исследований во всех крупных университетах. Как бы ни были сомнительны заявленные результаты, было сочтено, что их нужно защищать, поддерживая так называемые хорошие «отношения с продавцами». Но никогда не было никакого способа проверить такие претенциозные образования, как консорциум, все еще во имя «добрых отношений», слишком легко соглашающийся с положениями о конфиденциальности и нераскрытии.

Хотя эти маневры продолжались между издателями и библиотеками, ряд фактов становился очевидным. Стоимость журналов фактически не снижалась; способность библиотек организовывать коллекцию на заказ для своих местных округов была сметена «Большими предложениями». Технические услуги, которые библиотеки предоставляли пользователям, становились все более сложными, а реальный контроль над серверами, на которых эти службы живут, остался в руках издателей. В то же время растущая доступность из любого места, через систему паролей или VPN-соединений, означала, что все меньше и меньше людей физически посещали великие памятники шестидесятих годов. Поскольку все больше и больше материалов было обеспечено в цифровом формате, и поскольку более старые печатные издания подвергались некоторой степени урезания, библиотеки неожиданно обнаружили, что вопреки их опасениям в 80-е годы у них было, возможно, слишком много места. В этот момент в библиотеках появились планы по созданию в их стенах кофейных машин и кабинетов всех видов,

оснащенных новейшими компьютерами, которые позволяли делать в библиотеке то, что можно было сделать и дома.

Именно в этом контексте библиотеки захватывают хранилища в качестве способа перераспределения функций и видят в этом путь в новое и иное будущее. Увы, их цели часто оставались нечеткими, а идеи о том, что должно быть помещено в хранилище, менялись от учреждения к учреждению. Ответы варьировались от публикаций факультета до тезисов и диссертаций студентов и всех видов серой литературы, относящейся к местной исследовательской деятельности. Также регулярно упоминались административные документы. Некоторые университеты даже видели цифровые серверы в качестве новой формы административного архива. Пойманная между администрацией и преподавателями, но подчиняясь первым, каждая библиотека пыталась управлять средним курсом и, соответственно настроить функции своего репозитория.

И еще усложняло ситуацию в некоторых университетах то, что библиотека иногда обнаруживала, что сама подменяет компьютерные службы, потому что оцифровка библиотеки считалась срочным вызовом дня. Однако такой уровень отчетности для «технарей» также преувеличивал некоторые из давно сохранившихся традиций библиотек, например, помогая созерцать «... яркое выражение истины»: хотя, по сути, культурный аспект библиотеки был преуменьшен. В то же время повышенная забота о технических проблемах быстро выявила углубившееся беспокойство в отношении профессии: что могли бы сделать библиотекари в этом новом контексте, что не могли сделать ни специалисты переговоров по контрактам, ни ИТ-специалисты?

Хранение, казалось, мигрировало в сторону издателей; навигационные знания все чаще выражались в непрозрачных алгоритмических формулах, которые, по крайней мере, смешивали две разные повестки дня: с одной стороны, конечно, цель заключалась в том, чтобы помочь пользователю определить полезную литературу; с другой стороны, издатель пытался предпочтительно направлять пользователей к документам, которые также находились на их же платформе. В соответствии с императивом «внимание экономике» издатели начали эксплуатировать свои платформы, чтобы поддерживать использование своих же публикаций и тем самым стимулировать их цитирование. Сама платформа начала действовать как искажающая линза, которая выдвигает некоторые публикации за счет других. В мире, обусловленном конкуренцией и измеряемом импакт-фактором, такое поведение приемлемо: издатель, пренебрегая такими возможностями, не будет выполнять обязательства перед своими инвесторами.

Библиотеки часто чувствовали, что их поймали в ностальгическую временную деформацию, и начали считать, что они загромождены

устаревшей технологией, называемой «книгами». В некоторых кампусах были запланированы крупные проекты, чтобы похоронить их под землей в системах с компактными стеллажами, уделяя при этом большое внимание чисто символическому обвинению в таком движении. Короче говоря, мир библиотек с 1990-х годов по настоящее время сталкивался с некоторыми трудностями в определении его среднесрочных и долгосрочных целей: в рамках быстро развивающейся цифровой культуры, владение, а также контроль над оцифрованными документами неумолимо ускользали от них.

Восстановление неоспоримой роли в этом контексте требует переопределения библиотек. В частности, требуется отказаться от своего представления о том, чтобы быть великолепным, но изолированным бункером знаний. Библиотеки вместо этого должны видеть себя взаимосвязанными узлами, которые помогают создать инфраструктуру знаний. На самом деле это взаимосвязанное видение имеет даже более благородную пропорцию, чем старые храмы знаний, которые слишком легко переносятся на старинный синдром «башни из слоновой кости».

Для многих библиотек хранилища открытого доступа сохраняли надежду и, возможно, до некоторой степени иллюзию, что они, возможно, представляют собой ответ на финансовые требования коммерческих издателей. С определенной степенью воинственности библиотеки захватывали открытый доступ и хранилища, чтобы вести целенаправленную борьбу и откатывать последствия огромного роста цен в научной литературе.

Однако они быстро столкнулись с ограничениями своей доброй воли. Когда исследователей просили самостоятельно архивировать, они не всегда с энтузиазмом отзывались на новые требования, предъявляемые к ним: между работой в лаборатории, разработкой проектов на гранты и написанием публикаций было мало времени, чтобы обеспечивать хранение своих публикаций в местном хранилище. Более того, цель размещения их работы в хранилищах не всегда была очевидна исследователям, и еще это усугублялось неопределенностью относительно того, что им было разрешено делать в рамках авторских прав.

Несмотря на то, что существует много хороших подтверждений, демонстрирующих лучшее влияние публикаций, находящихся в открытом доступе, - известное преимущество ОА – сохраняется некоторое количество несогласных голосов и исследований, создающих достаточную степень неопределенности, чтобы притупить его положительные последствия. В конце концов, исследователи также очень хорошо знают, что оценка их работы не зависит от воздействия отдельных статей, а только от рейтинга журнала, в котором они публикуются. Ранжированные журналы — это те,

которые присутствуют в Сети науки; это то, где лежит продвижение их карьеры.

Только библиотеки не могли управлять открытым доступом в своих кампусах. Только тогда, когда была вовлечена администрация, а иногда и убежденные исследователи, развитие открытого доступа встало на повестку дня. Библиотеки всегда старались помочь. Они пытались предложить большую часть работ по самоархивированию, что требовало ресурсов, конечно, но это тоже, в основном, оказалось недостаточным. Установленные на собственных устройствах хранилища, как оказалось, задействовали лишь около 20% их потенциала. К счастью, многие библиотекари продолжали поддерживать свои хранилища, возможно, надеясь, что Открытый доступ, в конце концов, будет способствовать решению их бюджетных проблем. Но проблема состоит в том, что Открытый доступ — это научная коммуникация, а не бюджет библиотеки. Это разделение между двумя целями привело к множеству трудных и бесцельных дебатов между сторонниками открытого доступа на всех уровнях участия. Так или иначе, библиотеки, вместо того, чтобы сидеть между молотом и наковальней (преподаватели и студенты, с одной стороны, администрация с другой), должны были найти способы заставить различные группы соответствующих кампусов наконец увидеть, каковы их общие цели, чтобы они были сосредоточены на проблемах коммуникации, а не на университетских бюджетах.

Совсем недавно фронт библиотек начал двигаться интересным образом. Они до такой степени регулярно учились подталкивать движение к Открытому доступу, что пришли к выводу, что лучше позволить Ученому совету и/или администрации взять на себя ответственность за последний этап движения. В нескольких институтах, благодаря либо динамизму совета факультета, либо руководству старшего администратора, часто умело простимулированному местным библиотекарем, были приняты серьезные обязательства по депонированию. Одним из наиболее интересных примеров в этом отношении был Университет Льежа в Бельгии. Ректор (как называют в Бельгии президент) Бернард Рентье считает, что сдача на хранение изданий факультета позволит сэкономить деньги в его университете и позволит ему получить гораздо лучшее представление об изданных публикациях своего университета. Годы спустя он устно признал, что первая надежда никогда не была выполнена, но второй момент вышел далеко за рамки его самых насущных надежд: когда местный репозиторий начал набирать обороты, Университет Льежа мог похвастаться уровнем публикаций примерно на 80% выше, чем ожидался. Излишне говорить, что это была ценная информация для ректора университета. Это также способствует перетрансформации от дебатов об открытом доступе к обязательному требованию к коммуникации.

Как Льеж смог заполнить хранилище? Рецепт довольно прост, но требует определенной степени автономии в университете: президент просто заявил, что любой процесс оценки, вызываемый распределением поощрений, сроками пребывания в должности, грантом, будет оцениваться просто на основе того, что было депонировано в локальный репозиторий, и ничем больше. В ряде случаев у него возникали сильные трения, особенно с важными, но несговорчивыми исследователями, но, в конечном итоге, они работали. Добавление к рецептам различных способов содействия наглядности и успеху исследователей, безусловно, помогло, но это просто добавляет вишенку к простому принципу, который легко получить из изречения Бишопа Беркли: *Esse est percipi ... in repositoio* (Быть — это восприниматься ... в репозитории).

Угроза уклонению от обязанности по депонированию имеет решающее значение для успешного хранилища, но этого недостаточно, и это еще один момент, который еще недостаточно подчеркивается: одно только хранилище будет иметь ограниченное использование и оказывать очень мало влияния. Тем не менее, проблема заключается в том, что библиотекари работают внутри границ учреждения, которое участвует в своем специфическом виде конкуренции. Например, многие из рейтингов университетов будут учитывать размер университетской библиотеки. В результате библиотека имеет тенденцию предпочитать отдавать привилегии тому, как она выглядит в сравнении с другими библиотеками, и не замечать, как она может с ними сотрудничать. Разумеется, сотрудничество продолжается, но всегда в ограниченном, осторожном масштабе. Переход к сотрудничеству и отказ от конкуренции — это проблема, с которой сталкиваются библиотекари, если они хотят, чтобы их хранилища приносили выгоды, ожидаемые от открытого доступа. Коллекция обособленных репозиториев не будет работать даже при индексировании мощной поисковой системой; имеет смысл только полностью сетевая, совместимая система репозиториев. В последнее время два элемента способствовали оживлению мира репозиториев, и возможность увидеть Открытый доступ наконец-то достигла некоторых целей, которые были высказаны и о которых мечтали в 90-е годы. Первый - проект OpenAIRE в Европе, а второй - блестящая идея, выраженная Лоркан Демпси из OCLC: библиотека «изнутри». Эти два пункта фактически дополняют друг друга.

OpenAIRE — это проект, поддерживаемый Европейской комиссией, который связывает хранилища во всех странах Европейского союза, а также ряда ассоциированных стран (таких как Норвегия и Турция) и их хранилища. Важной и нужной точкой OpenAIRE является то, что, начиная с большого набора репозиториев, он решительно перешел на уровень полной сети. Это приводит к созданию распределенной системы серверов, позволяющей

восстановить любой документ, размещенный в любой точке сети. Сеть построена поверх национальных систем и сплетена вместе с помощью набора протоколов и стандартов для обеспечения их взаимодействия. Для достижения этих целей OpenAIRE пришлось иметь дело с конкретными системами большого числа стран, более обособленными и менее кооперативными, чем другие. Это ценный опыт для дальнейшего расширения сети. В дополнение к этой в основном технической инфраструктуре узаконена обязанность выкладывать в репозитории результаты исследований работ, финансируемых Европейской комиссией. Результат этого требования был чрезвычайно полезен для финансирующего агентства. Как следствие несколько других национальных финансирующих агентств изучают способы, которыми они тоже смогут извлечь выгоду из возможностей, которые быстро превращаются в службу.

Наконец, на протяжении многих лет также собирались и другие документальные ресурсы, так что OpenAIRE все чаще выглядит как исследовательская инфраструктура для Европы (и за ее пределами), включающая миллионы документов. OpenAIRE начал распространять свои возможности в различных частях земного шара. В частности, установлено серьезное сотрудничество с латиноамериканской сетью репозитория La Referencia. Последняя сеть охватывает девять стран Латинской Америки. Обсуждения также ведутся с другими национальными сетями или новыми региональными сетями, и сотрудничество Консорциума репозитория открытого доступа (COAR) было чрезвычайно полезным в этом отношении.

Был введен ряд услуг, которые могли бы обогатить возможности OpenAIRE. Например, внедряются способы связывания публикаций и их базовых наборов данных, изучаются возможности открытой экспертной оценки, разрабатываются алгоритмические инструменты для выполнения различных форм Text and Data Mining (TDM) в больших коллекциях документов, открытых OpenAIRE. Действительно, поскольку OpenAIRE представляет собой нечто большее, чем набор репозитория, он может начать играть несколько ролей, которые обычно рассматриваются как услуги публикации. При этом подтверждается тезис о том, что двум основным стратегиям, связанным с распространением открытого доступа, зеленому и золотому путям, суждено сблизиться. Вместо того, чтобы рассматривать пути Зеленый и Золотой как отдельные или, что еще хуже, как антагонистические пути к Открытому доступу, проект предполагает набор серверов, платформ и сервисов, которые могут быть созданы вокруг них, объединившись в единое целое. В этом OpenAIRE также находится ближе к концепции мега-журналов, которая стоит где-то между платформами и журналами. Благодаря методам кластеризации, которые также входят в число сервисов OpenAIRE, возможность представления исследовательских статей в разных «пакетах»

становится достаточно простой для реализации. При этом OpenAIRE начинает представлять себя как платформу. С другой стороны, термин «журнал» также имеет отношение к этому обсуждению: журнал, если вы выходите за пределы объекта, который печатался, становится более известным, относясь к сообществам, которые формируются вокруг коллекций текстов; он характеризует дисциплину, специальность или определяет задачу, которая достаточно сложна и требует привлечения большой группы людей, иногда в течение многих лет или даже десятилетий. На платформе кластерные наборы документов по-разному могут привести к созданию временных журналов, которые развиваются гибким образом. Отдельная статья может даже принадлежать нескольким таким «журналам» с очевидными преимуществами для видимости.

Зеленые и золотые пути пересекают как платформы, и как журналы, что объясняет, почему сходятся четыре условия. В то же время процесс конвергенции помогает использовать такие условия, как функции, а не объекты: функция-журнал, функция-платформа и сервер-функция. В цифровом мире акцент на функциях относится к фундаментальному принципу, что процессы постоянно стремятся заменить объекты. Говорить о функциях, а не о вещах, вероятно, облегчит и углубит наше понимание смысла статей, книг, журналов, платформ и т.д. Короче говоря, наше понимание нашей растущей цифровой культуры будет расти.

Представление развивающейся сети серверов, срывающих репозитории с возможностями активных, связанных публикаций, прекрасно сочетается с блестящей идеей, предложенной Лорканом Демпси: «библиотекой изнутри». Демпси призывает нас смотреть на библиотеки совершенно по-другому. В то же время он возвращает нас обратно в хранилища. Демпси утверждает, что библиотеки не следует рассматривать как поставщиков «материала», выбранного для удовлетворения местных потребностей. Менталитет приобретения, будь он связан с покупкой объектов или подписанием контрактов на доступ, приводит к отказу от другого проекта: подметайте все, что стоит подметать в своем хостинговом учреждении, храните это, курируйте, добавляйте к нему правильные метаданные, сохраняйте его. Затем наступает решающий шаг: ссылка на сеть других библиотек (и репозиториев). Затем каждая библиотека способствует выполнению ряда важных операций вокруг хранящихся документов: их легко обнаружить, легко идентифицировать, легко ориентировать, легко группировать с другими документами. Должны существовать средства, которые позволят иметь представление о ценности и качестве каждого документа, например, ряд показателей, связанных с представлениями, загрузками, комментариями, исправлениями. Все эти «следы интереса», использования, присвоения, а также исправлений и опровержений образуют «репутацию» данного

документа. Но последние функции будут тщательно отделяться от проблем общения.

Благодаря различным стандартам, протоколам и процедурам оценки сеть репозитория будет способствовать созданию эффективной системы распределенного человеческого интеллекта. Каждая библиотека может использовать свои ресурсы, чтобы выявить лучшее, что позволяет хостинговое учреждение. В этом отношении она действует таким способом, который не сильно отличается от старых научных объединений. Сообщества пользователей начинают работать поверх этих наборов документов, связанных с ними данных и необходимого программного обеспечения для манипулирования ими с целью создания новой работы, новых знаний.

Репозитории OpenAIRE развиваются в только что описанном направлении; однако на данный момент они остаются элементами библиотек, которые в противном случае продолжают функционировать, так как они всегда функционировали, в основном в изоляции. Демпси ставит перед собой задачу позиционировать хранилище, базирующееся на библиотеке изнутри, а не рассматривать его как простое, маленькое приложение, которое плохо сочетается со всей концепцией библиотеки.

OpenAIRE, еще раз, дает некоторые хорошие идеи о путях продвижения вперед. Подход Льежа к сбору местных публикаций — это первый шаг: он явно позволяет достичь уровней вкладов в хранилища, которые составляют не менее 90% от их общего потенциала. Что является, кстати, совместной задачей администраторов и преподавателей. В то же время, благодаря существованию сети OpenAIRE, предпочтительными становятся открытые услуги экспертной оценки, а также могут начинать работать через учреждения различные формы представления информации в соответствии с правилами различных сообществ и, таким образом, придавать доверие новым формам оценок, которые начинают появляться. В то же время администрации этих учреждений могут адаптировать свои процедуры оценки к этой новой ситуации: критерии оценки могут основываться на фактическом качестве выставленной работы, а не на различных прокси-сайтах, таких как импакт-факторы журнала. Когда такая сеть, как OpenAIRE, существует, сильная подгруппа совершенных организаций в сети может продемонстрировать, как могут работать новые функции. Это, в свою очередь, в значительной степени побудит другие учреждения присоединиться к движению. В конце концов, библиотеки могут указать на то, что их будущая роль на самом деле указывает на два, по-видимому, противоположных, но глубоко взаимодополняющих направления: с одной стороны, они глубоко погружаются в местные традиции производства, поскольку они направлены на систематический сбор, сохранение и

длительное хранение всего, что производится в их учреждении; в то же время библиотеки со своими родственными учреждениями участвуют в задаче обеспечения жизнеспособности для своих документов: они будут распространяться, обеспечивать открываемость, интероперабельность, оцениваться и т.д. С первой функцией, каждая библиотека обеспечивает ее надежную и сильную работу в организации; со второй функцией, библиотеки соединяются, чтобы поддерживать инфраструктуру знаний, в которой мы все действительно нуждаемся.

Переформатирование библиотеки, которое предлагает Демпси, также сочетается с другими навыками, также присутствующими в университетах, и в особенности с издательскими навыками университетских издательств. Уже сейчас мощное движение заставляет эти компоненты сближаться друг с другом, и это также должно быстро влиять на то, как сети репозитория могут начать вести себя. В то время как научно-исследовательские институты, возможно, в настоящее время не имеют большого значения как издатели, они владеют и могут использовать все необходимые функции публикации, которые им нужны, и могут это сделать, реструктурируя сам рабочий поток.

д. Как насчет финансовых учреждений?

Некоторые финансирующие учреждения, в основном публичные, приветствуют движение «Открытый доступ». Объясняется это тем, что государственные учреждения, поддерживаемые деньгами налогоплательщиков, имеют фундаментальную необходимость продемонстрировать, что они служат общественному благу. Например, Национальные институты здоровья (НИН) под руководством Гарольда Вармуса и его преемников быстро занялись вопросами открытого доступа. Список подписчиков на первой Берлинской конференции в 2003 году также показывает раннее присутствие финансирующих агентств из крупных европейских стран. Но скоро были прорисованы линии битвы; когда финансирующие агентства начали принимать идею о том, что публично поддерживаемые исследования должны проводиться свободно и публично, издатели отбивались. Обязательство по внесению в репозитории открытого доступа публикаций для грантополучателей НИН стало законом в 2008 году после пятилетней битвы с лоббистами издателей. Во многих странах агентствам запрещено лоббировать. В результате другим организациям пришлось бороться за них. В Соединенных Штатах, например, именно Академическая издательская и Академическая коалиция ресурсов (SPARC) боролась с издателями. Именно в этом контексте стали возникать новые термины, которые фактически расширили социальный смысл открытого доступа: «общественный доступ» относится к основным правам граждан на

знания, а «Альянс за доступ к налогоплательщику» является необходимым напоминанием о том, что налоги формируют большую часть средств, собранных издателями.

Политика публичного доступа НИИ особенно ясно подчеркивает важность общественного блага:

Политика общественного доступа обеспечивает доступ общественности к опубликованным результатам исследований, финансируемых НИИ. Это требует от ученых предоставления окончательных отрецензированных журнальных рукописей, которые поступают из фондов НИИ в цифровой архив PubMed Central после принятия к публикации. Чтобы помочь продвинуть науку и улучшить здоровье человека, политика требует, чтобы эти документы были доступны для общественности в PubMed Central не позднее, чем через 12 месяцев после публикации.

Интенсивность лоббистских усилий издателей можно частично проиллюстрировать ссылкой на введение двух законопроектов, направленных на отмену политики НИИ, и запрета требований открытого доступа для исследований, финансируемых из федерального бюджета. Закон о справедливом авторском праве в научно-исследовательских работах, представленный в 2009 году, и Закон об исследовательских работах, введенный в 2011 году, были успешно прекращены сторонниками открытого доступа. Примечательно, что Elsevier отказался от поддержки «Закона о научно-исследовательских работах» (102 HR 3699), когда выяснилось, что персонал, связанный с Elsevier, внес 31 вклад (видимо, взятка? комм. мой) различным членам Конгресса, из которых 12 отправились в Представительство Каролин Мэлони (D - Штат Нью-Йорк), основного спонсора Закона о научно-исследовательских работах.

В 2009 году было принято законодательство о том, чтобы политика НИИ стала постоянным статутом, а в 2011 году дополнительное законодательство успешно распространило политику на покрытие расходов Департамента здравоохранения и социальных служб США, Департамента образования и Департамента труда. Закон о публичном доступе к федеральным исследованиям (FRPAA) был также предложен в начале 2006 года в Соединенных Штатах и прошел несколько повторных слушаний в Конгрессе. В 2013 году администрация Обамы издала обширный исполнительный меморандум, требуя от всех департаментов и агентств США, финансирующих научные исследования, сделать как статьи, так и данные, полученные в результате этого финансирования, общедоступными. На сегодняшний день 21 агентство США внедрило или объявило о такой политике. Закон FASTR (Закон о свободном доступе к науке и технологиям),

который будет кодифицировать эти политики в рамках постоянного права, прошел через различные препятствия в Конгрессе США, но еще не реализован как закон. Борьба за «требования» финансирующих агентств была объединена во всем мире. Канада через свои канадские институты исследований в области здравоохранения смогла реализовать первое обязательство по депонированию в 2007 году. Это, в конечном счете, привело в 2015 году к Трехсторонней политике открытого доступа к публикациям.

В Европе 2006 год также ознаменован началом перехода к Открытому доступу. «Исследование по экономической и технической эволюции рынков научной публикации в Европе» призвало к открытому доступу в Европейском союзе. Реализация жестких требований программы «Горизонт 2020» для открытого доступа к результатам всех исследований, финансируемых Европейской комиссией, вступила в силу в 2014 году. В качестве финансирующего агентства Европейская комиссия также решила изучить возможность создания исследовательской инфраструктуры открытого доступа, и это привело к началу разработки инфраструктуры OpenAIRE, о которой говорилось выше.

В Соединенном Королевстве свершилось другое и, возможно, более решительное сражение. Оно завершилось докладом, опубликованным в 2012 году и озаглавленным «Доступность, устойчивость, преимущества: как расширить доступ к исследовательским публикациям». Он обычно известен как «Отчет Finch». Обобщение его для быстрого понимания было опубликовано в Интернете в блоге Кембриджа:

- Все (да, все - правительство, издатели, политики) считают, что Открытый доступ – ВЕЩЬ ХОРОШАЯ;

Переход на открытый доступ будет стоить денег;

Издательская индустрия Великобритании настолько важна, что мы не должны делать ничего, чтобы нанести ей вред.

По сути, результатом отчета Finch была рекомендация освободить все финансируемые государством исследования, которые хорошо прозвучали. Однако путь хранилищ, самоархивирования был в значительной степени заброшен в пользу Золотого пути. Он также был объединен с изданиями ОД, поддерживаемыми APC, как будто Золотой путь был задуман с учетом конкретного бизнес-плана. После доклада Finch, который был в целом принят правительством Великобритании, исследовательские советы Великобритании быстро потребовали, чтобы все документы, финансируемые этими Советами, были сделаны ОД, а APC-Gold (Золотой) был предпочтительнее Green (Зеленого).

Внезапно, в Великобритании, путь к открытому доступу оказался суженным - некоторые из издателей могли бы сказать «упрощен» - платить APC журналам, будь они ОД или гибридные. По сути, все дискуссии между издателями, библиотеками и финансирующими агентствами были реорганизованы так, как если бы их наиболее важным моментом стала не коммуникационная система науки, а благосостояние издателей. Сообщение, переданное Уильямом Гарви, «Общение: Сущность науки» было тайно преобразовано в «Коммерческое издание: Сущность науки».

Открытый доступ новым британским способом быстро оказался дорогим. Подношение издателям безрисковой формы публикации с крупными платежами можно было получить, только если были предоставлены значительные дополнительные суммы денег. Упоминались суммы в 50-60 млн. фунтов стерлингов, и для этой цели обсуждалась блокировка грантов. Также необходимо было рассмотреть вопросы, касающиеся научно-исследовательских университетов. Требовалась сложная финансовая механика, чтобы обеспечить центральную, мощную и прибыльную позицию для нескольких крупных международных издателей. В то же время, те же самые издатели могли продлить действие политики эмбарго на самоархивирование под предлогом того, что должны быть защищены доходы от подписки. Новый горизонт открытого доступа, выявленный бедствием Финча, составлял не более чем устойчивое положение гибридных журналов. Годы раньше во Франкфурте Дерк Хаанк случайно бросил замечание, что он никогда не думал о получении новых источников доходов от спонсоров.

В период с 2006 по 2012 год крупные коммерческие издатели действительно пришли к выводу, что они могут безопасно охватить Открытый доступ, по крайней мере, определенной его версии: с ОД они могут не только сохранить свои позиции в издательском мире, но и улучшить, добавив новые бизнес-модели в свой старый, ориентированный на печать, поток доходов от подписки. Фактически, соглашения, вдохновленные докладом Финча, указывают на то, что Ян Велтероп определил, как призыв к новому типу «Большой сделки». Такие новые «большие сделки» будут включать в себя двойное национальное соглашение: одно охватывает национальное лицензионное соглашение для обеспечения доступа к публикациям с оплатой труда; другое соответствует национальной службе закупок, в соответствии с которой издательские услуги ОД будут закуплены для всей страны. Там, где раньше была только одна бизнес-модель (подписка), теперь было две, благодаря добавленной продаже услуг.

Аналогичным образом, оптовые закупки издательских услуг изучались различными группами, включая библиотеки, финансирующие агентства и исследовательские центры. Одним из примеров является спонсорский

консорциум для публикаций в открытом доступе в области физики частиц (SCOAP³), который включает большое количество библиотек и различных финансирующих и исследовательских организаций. Все эти библиотеки вместе, в основном, покупают услуги публикаций Открытого доступа для всех авторов. После многолетней напряженной работы десять журналов согласились принять участие в SCOAP³, но два важных журнала из Американского института физики, Physical Review C и D нет. Непонятно, успех ли это, и, как указывают некоторые библиотеки в этом конкретном случае, присутствие ArXiv уже обеспечивает значительную часть желаемых публикаций. Тогда, зачем вообще платить и зачем оставаться в SCOAP³?

В 2015 году появилось еще одно, более глобальное предложение из Цифровой библиотеки Макса Планка в Мюнхене. Документ о политике, направленный на разрушение бизнес-модели подписки, был выпущен с якобы важной целью для достижения широкомасштабного открытого доступа. Аргумент, представленный Ральфом Шиммером и его коллегами, основывается на идее о том, что в настоящее время в системе достаточно денег, чтобы полностью поддерживать ее, не проходя все круги и петли как подписок, так и APC. Вооруженные здравым смыслом, авторы этой белой статьи политики Макса Планка получают важное следствие этого наблюдения:

«Должно быть общее понимание того, что деньги, которые в настоящее время заблокированы в системе подписки на журнал, должны быть изъяты и переназначены для служб публикации открытого доступа. Текущие бюджеты, получаемые библиотекой, являются окончательным резервуаром для обеспечения трансформации без финансовых или других рисков».

Преимущество в политическом документе Макса Планка заключается в том, чтобы подчеркнуть важный факт: источник денег для всей системы научной коммуникации расположен сначала в библиотеках. Перераспределение этих средств для создания другой системы привлекательно, но как действовать остается иллюзорным. Похоже, авторы Max Planck поддерживают компенсацию как способ продвижения гибридных решений на совершенно новый уровень открытости, однако со стороны издателей стимулы не кажутся очевидными. Скорее всего, как отмечают многие наблюдатели сцены ОД, гибридная модель будет продолжать делать то, для чего она на самом деле была предназначена, а именно сохранять как подписку, так и бизнес-модели APC-Gold. Несмотря на неуловимое обещание перехода, бизнес-план гибридного журнала также может бесконечно вести себя как устойчивая (и прибыльная) дойная корова. Неоднозначность — это название его игры.

Ответ Международной ассоциации научных, технических и медицинских издателей (STM) на бумагу Макса Планка по-своему интересен: среди множества точек STM поддерживает «платный переход к ОД» (который, как обычно, неправильно маркируется как золотой) и подход, предложенный «Финч Групп». Даже почти неожиданно «... признает необходимость наличия «зеленых» вариантов открытого доступа». Но, как и ожидалось, в нем подчеркиваются трудности перехода, и начинаются они с перечисления ряда проблем, как это видится Ассоциации: например, модель Gold – читай APC-Gold - пока не обладает достаточным уровнем консенсуса и сильно варьируется от дисциплины к дисциплине. Кроме того, STM утверждает, что за последние десять лет она достигла всего от 3 до 13% от общего объема, производимого каждый год.

Один из наиболее ярких комментариев STM относится к предполагаемому несоответствию между пользователями литературы (оценивалось более чем в 15 000 учреждений), и количеством производящих учреждений (представлено гораздо меньше), что приведет к тому, что научно-исследовательские учреждения будут нести непропорциональные траты на систему. Однако это требование является прямым следствием замены APC-Gold на золото. Если, например, все заинтересованные учреждения переведут в траст количество денег, которое они используют каждый год, чтобы обеспечить доступ к литературе, и используют эти деньги для возрождения системы, и если в конце операции конверсии останутся некоторые деньги, является наиболее вероятным, что как только вы избавитесь от тридцатипроцентной или более прибыли, нетрудно будет возместить каждому учреждению пропорционально его вкладу, и «несоответствие» исчезнет.

В заключение, модель Планка по-прежнему трудно представить. Напротив, шаги, намеченные в обсуждении возможностей, открытых OpenAIRE, выглядят гораздо более реалистичными. Их можно сделать более правдоподобными, если ряд библиотек начнет перераспределять свои средства скоординированным и конвергентным образом по отношению к четко определенной общей цели. На недавней встрече «Представление мира за пределами APC/ВРС», проходившей в Университете штата Канзас 17-18 ноября 2016 года, несколько участников тепло приветствовали идею постепенного повышения финансовой поддержки всеобъемлющего проекта библиотеки с наименьшими издержками. Такое видение будет опираться на ряд ведущих библиотек, которые решат снижать ежегодный бюджет на приобретение на определенный процент каждый год. Перераспределение средств таким образом может стимулировать мощное движение и постепенно привлекать еще больше институтов к тому, что неопровержимо. В таком контексте такая основа, как OpenAIRE, может стать хорошей отправной

точкой для обеспечения начального импульса и обеспечения необходимых общих операционных рамок.

Дискуссия финансирующих агентств не может завершиться без оглядки в сторону издательских предприятий. Идея этого шага часто кажется очевидной: снова и снова сторонники ОД производят одни и те же пункты:

- Научные исследования никогда не были стабильными («устойчивыми»). С 17-го века они сильно субсидировались;
- Стоимость передачи научных исследований — это небольшая часть затрат на исследования, где-то между 1 и 2%;
- Почему мы должны просить, чтобы конкретный этап исследовательского цикла соответствовал конкретным финансовым правилам, сформулированным в терминах «устойчивости», в то время как подавляющая часть научных исследований должна постоянно субсидироваться?

Часть ответа на вопрос — это наследие эпохи печати. Цифровой мир работает по-иному. Вооруженные этими или аналогичными аргументами, ряд финансирующих агентств изучили возможность выделения небольшой части своего капитала для поддержки распространения результатов исследований. Для Wellcome Trust, в сотрудничестве с Медицинским институтом Говарда Хьюза и обществом Макса Планка, это привело к созданию нового журнала eLife. Его первые статьи появились в октябре 2012 года, и в настоящее время он публикует более 100 статей в месяц. С января 2017 года APC в размере 2500 долл. США начисляются авторам, а на период с 2017 по 2022 год три финансирующих агентства решили выделить 25 млн. фунтов стерлингов.

Решив создать такой журнал, три финансирующих агентства, очевидно, хотели иметь прямой голос в формировании научной коммуникации. Например, eLife включает интересное требование для редакционных задач: в отличие от журналов, таких как Nature, Science или Cell, редакционная работа будет находиться в руках ученых, которые действительно научно активны. Однако нельзя не выразить сожаления, что три крупных и богатых грантовых агентства используют лишь небольшую часть своего бюджета для поддержки такого важного предприятия. Высокие тарифы APC включают в себя форму финансовой элитарности, которая противоречит целям системы научных связей в науках о здоровье. Их можно было бы легко подобрать из бюджетов огромных научно-исследовательских учреждений с индивидуальными бюджетами более миллиарда долларов каждый. Наконец, с грантами APC в этих трех учреждениях, какой смысл передавать средства APC из исследовательских грантов в бюджет eLife? Есть ли надежда получить несколько тысяч долларов грантов на APC пришедшими от других финансирующих агентств?

Возможно, более волнующе то, что программа Wellcome Open Research прямо рассматривает роль финансирующих агентств в интеграции системы научных связей в полный цикл финансирования исследований, признавая, что «великая беседа» науки требует прозрачности и удобной гибкости. Этот проект, начатый в апреле 2016 года, станет предметом рекомендаций для Совета управляющих Wellcome в апреле 2017 года. Его потенциал является глубоко трансформационным, особенно если за ним последуют другие крупные финансирующие агентства.

Исследовательский фонд Сан-Паулу (FAPESP) начал двигаться по направлениям, которые были в основном близки к тем, которые недавно были проведены Wellcome Trust, когда он решил поддержать бразильские научные журналы. Начиная с конца 20-го века, платформа SciELO, которая возникла, остается привязанной к более классическим представлениям журналов, и это легко понять. Тем не менее, агентство по финансированию штата Сан-Паулу поняло, что лучший способ сделать бразильские журналы отмеченными и уважаемыми в мире связаны не только с размещением их в открытом доступе, но и с тем, чтобы авторы могли вносить свою работу без оплаты. Наблюдая за распространением научных исследований как неотъемлемой части цикла исследований, SciELO просто решила обернуть расходы на публикацию в стоимость проведения исследований. Это привело к созданию впечатляющей платформы из более чем 1200 журналов, распространяющихся по большинству стран Латинской Америки, а также Испании, Португалии и Южной Африки.

В заключение нельзя переоценить роль финансирующих агентств в переработке правил, регулирующих распространение научных результатов. Тем не менее, есть один последний момент, который следует подчеркнуть: при подаче заявки на исследовательские фонды значимость ученых никогда не следует оценивать согласно журналам, в которых они публикуются, а скорее по качеству их работы. Еще в 2003 году на встрече Open Access в Bethesda Марк Уолпорт, затем директор Wellcome Trust, заявил, что документы, представленные заявителями грантов, не должны быть явно связаны с каким-либо журналом. Реалистичные или нет - специалисты, как правило, знают, где появились важные документы их коллег, - замечание Вальпорта вызывает очень законную озабоченность: работу следует судить саму по себе, а не через авторитет искусственно созданного престижа журнала. Решение франкоязычного агентства по финансированию исследований Бельгии, Национального фонда исследований рекреационных исследований (FNRS) для оценки исследователей на основе того, что доступно через хранилища их университетов, работает в одном направлении. Кстати, это также поможет тем же бельгийским университетам заполнить их собственные хранилища.

е. А как насчет администраторов университета и исследовательских центров?

Администраторы университетов и исследовательских центров, похожие на Януса, склонны представлять себя миру таким образом, который не всегда полностью согласован. Например, при оценке исследователей для продвижения, владения и финансирования администраторы склонны полагаться на обычные, знакомые элементы, которые, как считается, характеризуют «хорошую» или «не очень хорошую» карьеру. Публикация в очень заметных, престижных журналах — такой элемент. В результате, исследователи, ищущие продвижения или власти, будут играть в эту игру соответственно, публикуя свои статьи там, «где это считается». Все это, конечно же, усиливает извращенную манеру, в которой символический капитал, видимость и престиж в настоящее время создаются на научной арене. Журналы, которые лучше всего подходят для такого рода соревнований, будут стремиться к увеличению своего импакт фактора, и это будет нелогично интерпретироваться как повышение качества. Для администратора такой результат также кажется положительным, потому что учреждение, находящееся под его/ее управлением, оценивается различными организациями, и большинство из них также смотрит, где публикуется факультет. Из такого ранжирования возникают важные последствия, такие как привлечение хороших аспирантов для заполнения лабораторий умелыми руками. Рейтинги также играют существенную роль в оценке и для публично поддерживаемых университетов или высокоавторитетных руководителей университетов, что любопытно, так как в нынешней административной политике важно соотношение цены и качества.

Тем не менее, есть недостаток всего этого, как уже упоминалось ранее: журналы с высоким рейтингом оправдывают экстраординарные цены со стороны издателей. Тот же самый институт, который благодаря своему рейтинговому поведению увеличивает легитимность рейтингов журналов, также, в конечном итоге, должен заплатить за него через бюджет библиотеки. Левая рука не знает, что делает правая. Здесь снова следует обратить внимание на предостережение Марка Вальпорта: именно внутреннее качество работы всегда должно учитываться, а зависимость от доверенных лиц (*proxies*), предположительно, чтобы сэкономить деньги на упрощенных процедурах оценки, становится более дорогим в итоге.

В любом случае высокопоставленные члены администрации должны сопровождать библиотекарей на переговорах с издателями. Этот опыт, несомненно, будет столь же ценным для деканов и руководителей подразделений. Непосредственное наблюдение за переговорами вокруг научных публикаций, вероятно, заставит многих администраторов пересмотреть свои процедуры оценки. Оно также может подчеркнуть

важность доступа к местному производству в собственном институте: поддержка сильной политики «зеленых» станет важным шагом вперед в этом отношении, и модель Университета Льежа, упомянутая ранее, является хорошим примером для подражания. Реформирование роли библиотек в «наивысшей» их функциональности могло бы также укрепить способность исследовательских институтов восстановить управление и контроль над системой научных связей.

е. И последнее, но не менее важное (несмотря на **внешность**): исследователи

Странный парадокс заключается в том, что длительное, вероятно, слишком продолжительное обсуждение системы научных связей должно закончиться замечанием о том, что роль исследователей в процессе научной коммуникации вполне может быть весьма незначительной. Как это случилось? В качестве авторов статей и других форм публикаций, в том числе монографий по некоторым дисциплинам, ученые, очевидно, имеют решающее значение для процесса научной коммуникации. Однако, после взгляда на то, как работает научная коммуникация, становится ясно, что они общаются через систему, которую не контролируют. Хуже того, система коммуникации, помимо поддержки «Великого разговора» науки, действует как мощный инструмент управления карьерами и репутацией.

Итак, какова роль, которую исследователи действительно играют в системе научной коммуникации? Совершенно очевидно, что как производители и пользователи знаний, они располагаются на обоих концах цепочки. Как только научная работа выполняется, т. е. производятся наблюдения и эксперименты, ученые переходят к написанию ее результатов. Затем они начинают другой проект, а это означает, что они снова начинают читать.

Большинство исследователей, конечно, делают больше. Например, они регулярно обращаются к статьям экспертов, и эта задача в свое время может стать очень сложной. Иногда их также просят участвовать в редакционной коллегии или даже приглашают стать главным редактором журнала. Короче говоря, значительная часть исследователей глубоко вовлечена в процесс публикации результатов исследований. Точнее, исследователи, которые выступают в качестве главных редакторов журналов, находятся в непосредственном контакте с издателем.

Интерфейс между миром исследований и миром публикаций не очень хорошо документирован, особенно когда компания на издательской стороне является коммерческим, for-profit, издателем. Каковы награды, в том числе финансовые, редакторов? Каковы средства поддержки, которые могут быть распределены среди разных журналов, и по каким причинам? Насколько тщательно отслеживаются журналы, издаваемые издателем, и как они

контролируются? По импакт-факторам? Все эти вопросы в основном остаются без ясных ответов, в частности и потому, что доступ к соответствующим данным по существу отсутствует. Это говорит о том, что мы знаем о проблемах, которые иногда появляются в этой области: мы слышали о редакторах, которые могут попросить авторов сослаться на статьи в другом месте их журнала, чтобы улучшить свой импакт-фактор. Мы знаем издателей, которые поощряют цитаты из других журналов, которые они издают (и тем самым затрудняют обнаружение уловки), чтобы помочь поднять общий ранг их журналов.

Что касается импакт-фактора, можно было бы также добавить совершенно странный, но общий способ использования трех десятичных знаков, чтобы выразить его в цифрах. Сам Гарфилд дал путаное, но показательное объяснение этой практике:

«Следует добавить, что я и сам выражаю сожаление по поводу квотирования импакт-факторов до трех знаков после запятой. ISI использует три десятичных разряда для уменьшения числа журналов с одинаковым импакт фактором».

Другими словами, три десятичных значения импакт-фактора, точно так же, как время спринтеров до сотой секунды, предназначены в основном для усиления конкуренции между журналами. И это именно та цель, которую преследуют редакторы и издатели. Принимая как безусловную характеристику три десятичных знака, а также и потребность в них, приписываемую ISI, чтобы избежать появления двух журналов с одинаковыми показателями, Гарфилд раскрывает настолько же искусственную, как и экстремальную природу конкуренции, которая доминирует над такой научной информацией.

Конкурс, предназначенный исключительно для журналов, затем распространяется как прокси для оценки отдельных лиц, учреждений и даже стран, может служить только издателям: журнал становится якорной точкой власти для оценки научных достижений. Владение журналом обладает этой властью. Необходимое присутствие исследователей как редакторов и членов редакционных советов также создает зону неопределенности, когда интересы некоторых исследователей начинают совпадать с интересами издателей и где начинают открываться возможности для формирования иерархии исследователей, помимо тех, которые оправданы внутренними интеллектуальными качествами каждого из них.

Декларация об оценке исследований, выпущенная в Сан-Франциско в декабре 2012 года, была пробуждением в этом отношении, и о ней

красноречиво отозвался Брюс Альбертс, тогдашний главный редактор журнала Science. Примечательным было следующее замечание:

«Неправомерное использование импакт-фактора журнала крайне разрушительно, так как предлагает играть в метрику, которая может вызвать у журналов предвзятое отношение к публикации важных статей в областях (таких как социальные науки и экология), которые гораздо меньше цитируются, чем другие (например, биомедицина)».

То, что утверждает Альбертс, соответствует реальной ситуации, но он не идет достаточно далеко: институциональное поведение выходит за рамки игры в метрики импакт-фактора. По сути, регулирование управления карьерами через метрики ошибочно и ненадежно, поскольку импакт-фактор основан на неправильном представлении о том, что наилучшие усилия, которые могут быть извлечены из любого человека, — только путем экстремальной конкуренции. И эта конкуренция между исследователями регулируется переменной, которая не находится под их контролем как сообщества.

В недавней статье Стефано Балиетти и его коллеги создали эксперимент, чтобы проверить побочные эффекты влияния конкуренции на экспертные оценки. Один из их выводов гласит и кажется не вызывает возражений: «... конкуренция не улучшает среднее качество опубликованных работ».

Тем не менее, наука, благодаря импакт-фактору, имеет тенденцию выглядеть спортивным соревнованием. Часто повторяющийся квест за превосходство более, чем похож на поиски золотой медали. Но здесь есть разница: цель золотой медали сама по себе является золотой медалью, но цель науки для большинства ученых просто возможность сделать хорошую науку и таким образом внести свой вклад в распределенную систему человеческого интеллекта. Общение вокруг научных результатов не предназначено для идентификации гениев, а служит объединению многих форм интеллекта для создания наилучших знаний. Иными словами, Олимпийские игры определяют чемпионов; научные и исследовательские усилия определяют твердые концепции, теории, законы, которые способствуют расширению наших возможностей делать нечто с той частью реальности, которую мы достаточно воспринимаем.

В предыдущих разделах наблюдались эффекты конкуренции, протекающие по различным слоям научного производства. Рейтинги университетов, которые сами частично определяются импакт-факторами, неизбежно скажутся на том, как отдельные ученые будут реагировать на этот вид регулирования. Такие реакции выходят за рамки попыток опубликоваться в журналах с самым высоким рейтингом. Они делают возможными ряд

искажений, которые сильно загрязняют научное производство и делают его намного меньше, чем это могло бы быть. Некоторые из этих эффектов можно суммировать следующим образом:

- Редактор журнала, при прочих равных условиях, будет склонен выбирать более известных авторов по сравнению с менее известными. То же самое относится и к аффилированности: престижная принадлежность предпочтительней. Какое это имеет отношение к качеству?
- Ученый избежит рисков, не делая по-настоящему инновационную работу. Это то, что Брюс Альбертс в своих замечаниях относительно импакт-фактора называет «я тоже наука». Идентификация чемпионов по импакт-факторам может отлично противодействовать ускорению важных сдвигов парадигм;
- Редакторы журналов будут стремиться выбирать темы, которые считаются «сексуальными», но «сексуальность» зависит от места и времени, и систематический выбор таких областей исследований будет неизбежно удалять из рассмотрения другие научные проблемы. Как «сексуальность» темы связана с качеством?

Исследователи, по большей части, пытаются сделать наилучшую работу, которую они могут, выживая в больших, иногда бюрократических организациях, и при этом реагируют, иногда очень странным образом, на давление, направленное на стимулирование как их производительности, так и качества их работы. Они знают, что им нужно документирование, но мало знают о способах организации журнальной продукции. Они публикуются в соответствии с *пониманием* того, что лучше, и что не так хорошо, но все это, в конечном итоге, зависит от рейтинга импакт-факторов. Маленьким элитам редакторов удается внедриться в эту систему с некоторыми вознаграждениями, прилагаемыми к положению, но при этом они оказываются подверженными тем видам социальных правил, которые определяют стремление к власти и влиянию, а не к качеству и целостности. У таких ученых, которые немного походят на *burguesia compradora*, может возникнуть соблазн связать свою судьбу с большими издателями или управленцами, особенно если им предложат редакторство в новом журнале - новая инвестиция для издателей. Между тем подавляющее большинство исследователей преследуют свою мечту о том, чтобы внести что-то ценное для всего научного племени: выдавать достоверные знания по-прежнему означает немало для многих из них. Это может быть скромный сон, но он очень почетный. Именно это должно вознаграждаться в науке и образовании.

Описанные организационные элементы в значительной степени способствуют объяснению того, почему ученые и исследователи, как

правило, остаются в стороне от большой дискуссии открытого доступа вокруг научной коммуникации. Это также объясняет, почему убедить ученых в том, что они должны заниматься проблемами открытого доступа, остается сложным. Ведущему исследователю непросто понять, принять и, наконец, поддержать обязательства по размещению своих публикаций в местном репозитории. Когда начинается сезон грантов, бюджеты уменьшаются, а будущее лаборатории зависит от успеха приложения, проблемы с открытым доступом могут легко восприниматься как роскошь. Сколько людей может преодолевать препятствия для продвижения и пребывания в полной безопасности и беззаботности? В конце концов, большинство исследователей, хотя и глубоко зависимы от системы научного общения, вероятно, относятся к людям, которые понимают его наиболее поверхностно – и уж, конечно, более поверхностно, чем библиотекари и издатели.

В заключение, рассмотрение ситуации исследователей, молодых или старых, из богатых или бедных учреждений, из так называемых «развитых» стран или из развивающихся или отстающих стран приводит к неизбежному наблюдению: пока вся научная система управляется конкурентной средой, ученые и исследователи сделают все возможное, чтобы выжить и избежать худшего из вторичных эффектов, которые искажают научное производство.

Это не означает, что конкуренции нет, а просто рекомендуется, чтобы конкуренция была тщательно откалибрована для получения наилучших результатов в очень точно определенных обстоятельствах. Вероятно, что Питтинг Уотсон и Крик против Линуса Полинга в поисках понимания структуры ДНК сделали что-то для науки, но большинство наук не делается Уотсонами, Криками и Полингом; это делают солидные практики, без которых лауреаты Нобелевской премии не смогли бы выполнить свою работу. И по этой причине обвинение исследователей бессмысленно: если они не участвуют в Открытом доступе, это происходит не потому, что они глупы или ленивы. Это не упрощенный вопрос о нажатиях клавиш, как утверждают некоторые. Эти исследователи просто прилагают все усилия, чтобы откликнуться на очень плохой, не сказать, чтобы отвратительный, проект системы конкуренции. Демонстрация исследователям, что они могут иметь гораздо более продуктивный, конструктивный и безмятежный способ заниматься наукой с помощью Открытого доступа, представляется гораздо более полезной как для науки, так и для открытого доступа.

IV

APC-Gold замаскирован под золото:

версии издателей Open Access и их риски

Недавняя эволюция Открытого доступа приводит к некоторым довольно загадочным наблюдениям. С одной стороны, издатели неустанно проводили активные кампании лоббирования, чтобы остановить или замедлить различные формы законодательства, благоприятные для открытого доступа (это особенно верно в Соединенных Штатах и Европе, но не только там). В то же время крупные издатели публикуют заявления в пользу открытого доступа. Например, Elsevier заявляет о своей приверженности «...предоставлению исследователям путей доступа к зеленому и золотому вариантам».

Это кажущееся противоречие может быть принято за чистую монету, если предположить, несколько наивно, что левая рука издательства не знает, что делает правая. Однако доступны и другие возможности: мутная вода, безусловно, является частью плана игры, так как предлагает доброжелательный фасад миру, и особенно политикам. Однако это просто тактика и, как таковая, слабая тактика. Лучше понимать, что издатели в действительности намерены блокировать формы открытого доступа, которые они считают враждебными своему бизнесу, в то же время продвигая свою собственную версию Открытого доступа. Это то, что нужно понимать, как версию открытого доступа издателей. Ее функция заключается в увеличении потока доходов.

Возьмем, к примеру, Elsevier. Компания фактически излагает широкую программу открытого доступа. Интересно, что она включает в себя все возможные варианты открытого доступа, в том числе «субсидированные журналы». Как ни странно, субсидированные журналы определяются как журналы, где «APC субсидируется организацией или обществом», как будто субсидии могут принимать только форму субсидий. Это хорошо подходит, конечно, к попыткам представить золото как исключительно APC-Gold.

Elsevier владеет журналами и продает издательские услуги во внешние журналы. Тем не менее, это, по-видимому, доброкачественное разнообразие ролей включает в себя детали, которые показывают пристальное внимание к контролю: например, содержание всех журналов «постоянно сохраняется» в «цифровых архивах» Эльзевира. Для хорошего впечатления к основному Elsevier добавляются сети поддержки безопасности: CLOCKSS, электронный департамент Голландской национальной библиотеки и темный архив Португалии демонстрируют существование серьезных мер по сохранности, если объект Elsevier будет испорчен по какой-либо причине. Это наиболее обнадеживающее сообщение, адресованное библиотечному сообществу, но оно касается только маловероятных событий. В остальном Elsevier по-прежнему надежно контролирует то, что он считает его собственным имуществом.

Существуют и другие признаки контроля в системе Elsevier. В цифровом контексте версии документов легко размножаются. Это является естественным следствием возможности распространения и копирования по существу без затрат. Каким образом Elsevier работает с различными версиями документов, очевидно, заслуживает тщательного изучения:

Elsevier развертывает использование CrossRef-составляющей системы CrossMark, которая предназначена для указания одной и только одной авторитетной версии документа. CrossRef, помните, был запущен как сообщество издателями, а не библиотекарями. «Авторитетная» версия хранится на серверах Elsevier.

Если исследователь должен внести копию своей публикации в местный репозиторий, то эта копия не будет считаться авторитетной (по Elsevier), но будет рассматриваться как некоторая версия авторитетной копии. Таким образом, единственная функция копии, помещенной в локальный репозиторий, - обеспечение зрительного контакта с ее содержимым. По-видимому, ее нельзя процитировать как таковую, хотя за ней может стоять хорошее имя университета и почетное имя автора. Фактически, это может даже привести к интересным парадоксам: например, если в процессе самоархивирования автор(ы) решает(-ют) исправить некоторые незначительные ошибки, устранить несколько опечаток или немного улучшить некоторые формулировки, самоархивированная версия документа будет «лучше», но, по словам Элзевира, это не должна быть цитируемая версия!

В цифровом контексте описанная ситуация забавно возвращает нас к эпохе рукописей, когда копии оценивались одна против другой. Родословная и происхождение были критериями достоверности. Лучшую копию учреждения для переписи документа можно отличить от худших. Аналогичным образом, копия Elsevier пытается утвердиться как «лучшая» копия, и критерием качества здесь является не автор, а издатель. Именно он ставит CrossMark на определенную «версию записи». Elsevier хочет владеть ею. Или это вариант ссылки (реферирования)? Учитывая репутационную роль DOI, легко ассимилировать версию записи с версией ссылки, и этот вывод одного из другого уже стал предметом публичных обсуждений. Если настаивать на том, чтобы иметь в своем распоряжении «версию записи» или «ссылку», издатели стремятся позиционировать себя в центре системы научных коммуникаций. С их точки зрения это легко понять, но является ли это правильным решением важного вопроса? Другими словами, следует ли разрешить переход к эпохе цифровых технологий только в том случае, если он обеспечивает эквивалентную или даже усиленную роль издателей в центре системы научных коммуникаций? Или следует ли продолжать

совершенствование системы научных связей, а затем решить, какова должна быть роль и положение издательских функций? Если утверждается, что эти две цели не всегда являются антагонистами друг к другу, должна ли система связи и ее общие качества, по крайней мере, явно преобладать над статусом издателей, а не наоборот?

Альтернативное видение цифровой публикации будет использовать тот факт, что цифровые тексты могут развиваться гораздо более гибко, чем печатные тексты. Действительно, версии размножаются. Прикрепление комментариев и увеличение ссылок на относящуюся к документу информацию — также способы характеризовать цифровые тексты, относящиеся к «сообществу документов». Все это заметно отличается, конечно, от рода относительно изолированных и фиксированных объектов, которые печатались в последние несколько веков. В результате, работа с цифровыми документами и их полный потенциал требует рациональной системы управления версиями. Оказывается, такая система может быть разработана без необходимости привязывать ее к одному конкретному и авторитетному тексту или документу. Нам не нужно создавать цифровую среду для модели канонических текстов, как мы встречаем в разных религиях. Наука не живет по традиции и застою; напротив, она питается звуком и яростью перемен, споров, дебатов. Разработчики программного обеспечения давно знают, как справиться с этими проблемами - в конце концов, написание программного обеспечения, вероятно, является лучшим и первым примером цифровой записи. Фактически, именно эта возможность позволяет свободно работать с программным обеспечением, а также делать его. Передача этих представлений цифровым документам не составит особого труда. Вместо того, чтобы пытаться восстановить условия документального существования, знакомого по печати, система управления версиями откроет весь потенциал распределенного человеческого интеллекта. Похоже, что упомянутый ранее проект Wellcome Open Research включает такую систему управления версиями. Поразительно, можно заметить, что пугающая энергия проектов свободного программного обеспечения никогда не была чем-то большим, чем переводом необычайной интеллектуальной энергии научной революции; справедливо видеть, что эта энергия возвращается, поскольку научный мир более полно использует цифровой контекст коммуникации и берет для этого листы из учебника бесплатного программного обеспечения.

Обсуждение Elsevier «Зеленой дороги» показывает другие интересные предубеждения: «Зеленый» представлен как производная: каждая «зеленая» статья представляет собой не что иное, как «версию подписной статьи». В результате «опубликованная» статья была объединена с «подпиской», статьей, которая сводит его к чисто экономической форме существования. Действительно, согласно Elsevier, это возможно только потому, что

«подписчики оплачивают все расходы, необходимые для поддержки процесса публикации». Elsevier здесь явно ссылается на проблему «свободного гонщика» и адресуется с энтузиазмом к «трагедии общин» Гарретта Хардина. Чтобы сохранить эту трагедию под контролем, очевидно, важным для Elsevier - форма «морального риска» несомненна, - и это в конечном счете просто: убедитесь, что общественные достоинства как-то меньше, чем просто достоинства, и представьте эту подмену как способ быть справедливым для подписчиков: как хорошие плательщики, такие хорошие мальчики и девочки, они должны иметь немедленный доступ к подписной статье; «плохие» свободные гонщики, со своей стороны, наказываются в форме эмбарго, основанного на времени.

Аргументы Elsevier не уникальны для этой компании, но, как пример, они обеспечивают анализ, полностью построенный вокруг экономического, а не коммуникационного императива. Разработка оптимальной связи научной информации полностью подчинена «делу бизнеса». Коммуникация, возможно, когда-то была «сущностью науки», но теперь она развернута назад, чтобы подогнать мотив исключительно для получения прибыли. Связь, в той мере, в которой она остается видимой переменной в видении Elsevier, фактически отделена от сущности публикации и сочетается с экономической сущностью и подчиняется ей.

Озабоченность экономическим здоровьем отрасли, то есть ее способность поддерживать определенный уровень прибыли, чтобы угодить инвесторам, также часто упоминается в литературе как «устойчивость». Например, в документе, подготовленном STM в ответ на Max Planck. В документе по политике, рассмотренном ранее, можно прочитать следующее предложение: «Мы ... разделяем мнение о том, что наиболее устойчивое будущее открытого доступа является золотым». Устойчивость, на самом деле, является термином, полученным из экологии, и относится к биологическим системам, которые хорошо работают в течение очень длительных периодов времени, например, с точки зрения биоразнообразия. Таким образом, экологическая устойчивость представляется весьма отличной от того, что имеют в виду крупные издатели, когда они используют эту метафору: их цели, если они измеряются только неуклонно увеличивающейся концентрацией в отрасли, не предвещают будущего устойчивого разнообразия. Разговор об «устойчивости» чисто риторический: он скрывает различия между теми, кто говорит с точки зрения прочности и эффективности, и теми, кто говорит с точки зрения прибыльности. Обратите внимание, наконец, что STM Gold снова является APC-Gold. Nil novi sub sole

...

К настоящему времени стало ясно, что определенная форма открытого доступа (Open Access) была захвачена крупными издателями: открытый доступ просто был воспринят как бизнес-модель и искусно подделан под нее. В перспективе издателей (и, увы, иногда за ее пределами) открытый доступ постоянно пересматривается как APC-Gold, но, конечно же, он не был задуман таким. Просто маскируя APC-Gold, как если бы это было просто «Золото», даже бизнес-модель, как правило, исчезает из виду. Это окончательный и пресловутый фиговый лист. Сокращение всех форм финансирования до APC-Gold, а затем обозначение его как «Золото», в действительности выполняет двойную функцию: при скрытом воздействии на бизнес-мотивы, как, например, использование «устойчивости», оно фактически продвигает стратегии, которые соответствуют потребностям издателей, а не потребностям исследователей в общении. Кроме того, термин Gold стабильно применяется в различных ситуациях: журналы, основанные на APC, гибридные журналы, предлагающие статьи APC-OA, даже в случае так называемых «субсидируемых» журналов. В последнем случае немного сложно понять, как применяются APC, но неважно ... «Все, что есть, есть золото» в понимании открытого доступа издательством.

В своей реакции технического документа по политике Макса Планка Международная ассоциация издателей STM любопытно утверждает, что пока еще нет «консенсуса» относительно Gold Open Access (что означает, опять же, APC-Gold). Это также показывает, почему важно сочетать APC-Gold с Gold: оно должно способствовать построению этого консенсуса. Между тем, конечно, Green еще не может быть полностью снят с повестки дня, хотя он и не является оптимальным с точки зрения издателей. Тем не менее, это может быть временно принято, хотя и неохотно, благодаря механизму эмбарго: он может модулироваться по желанию и с некоторым предупреждением. Наконец, как только будет достигнут «золотой консенсус», издатели, скорее всего, предпочтут гибридные журналы, поскольку они позволят микшировать подписки и APC с максимальной и эффективной гибкостью. Гибкий журнал, не являющийся переходным инструментом, который Дэвид Проссер пытался создать в первые дни открытого доступа, может указывать на форму устойчивого равновесия открытого доступа, которое может наилучшим образом работать в любом виде рынка просто путем адаптации необходимых параметров.

Красота этой стратегии заключается в том, что она делает «Открытый доступ» «победоносным» и может даже привлечь некоторых защитников открытого доступа, чтобы принять ее. Однако победа такого открытого доступа также означала бы поражение видения открытого доступа, о котором заявила BOAI: практикующие ученые и профессура хотят взаимодействовать с минимальным вмешательством в систему коммуникации, насколько это

возможно при использовании, повторном использовании, повторное переназначении и повторном смешивании всего, что можно найти в системе, будь оно крупным, мелким или любого другого размера.

Возможно, здесь будет полезно опираться на то, что можно охарактеризовать как «Интернет-мудрость». Интернет иногда описывается как «сеть сетей», где весь интеллект лежит по краям, на компьютерах и очень мало интеллекта содержится в сети. Это заметно контрастирует с другими схемами компьютерной сети, где интеллект лежит в сети, а края имеют ограниченную автономию. Назовите этот подход «Minitel»⁵³. Подход Minitel направлен на то, чтобы оставить максимальный объем контроля (и рентабельности) в руках организации под названием «France Telecom».

Философия Интернета в свои ранние годы оптимизировала взаимодействие между пользователями и стремилась ограничить влияние власти до минимума. Современные дебаты вокруг сетевого нейтралитета отражают этот ранний выбор. Это было прекрасное время спонтанного «сети», практикуемой добросовестными «сетевиками». Система научных связей, подобно Интернету, спонтанно помещает интеллект системы на край, в головы ученых, и мало интеллекта предполагает в самой системе связи. Увы, такого рода «открытый доступ», предлагаемый подобными Elsevier, в то время как он якобы провозглашает лексику открытости и обмена, на самом деле основывается на видении сетей, где контроль лежит в самой сети связи и начинает мешать науке. Например, невозможно оправдать наличие эмбарго, если оптимальная связь между исследователями является реальной целью.

Если мы вернемся к самому началу движения «Открытого доступа», сторонники открытого доступа часто разделяли два подхода: некоторые из них выступали за реформу коммуникации и видели в ней открытый доступ; другие утверждали, что просто добивались доступа без необходимости влиять на систему связи в ее нынешнем виде. Реальность не подтвердилась для тех, кто поддерживает второй сценарий. Уже признание того, что обязательства по депонированию или разрешениям является неизменным, стало демонстрировать, что сама система связи должна быть изменена. Без таких разрешений системы хранилищ очевидно не могут быть заполнены. Но даже наличие разрешений (мандатов) не решило всех проблем. Если бы даже все хранилища были бы красиво заполнены, как должен возродиться мировой архив науки? Будет ли Google Scholar восполнять пробел? Что-то другое? А если Google, это будет лучше, чем Elsevier? Кроме того, будут ли библиотеки отказываться от подписки?

Опять же, в ответ пришла реальность: да, мандаты хорошо работают ... если. Если вы можете получить их, если их поддержат надлежащие стимулы и

вознаграждения. Однако политическая работа и энергия для достижения разрешения являются значительными. Иногда в университете появляется просвещенный администратор: Минью в Португалии и Льеж в Бельгии регулярно упоминаются как примеры в этом отношении, и это справедливо. Последовали и другие институты. Однако общее влияние всех хранилищ в мире после пятнадцати лет напряженной работы по-прежнему кажется очень неравным этой задаче и, безусловно, уступает тому, что чему-то, вроде Sci-Hub, удалось сделать за пару лет.

Причина успеха Sci-Hub проста: это универсальный магазин, где каждый может получить доступ к миллионам журнальных статей. Это «услуга» - хотя и незаконная - издатели просто не могут легко эмулировать ее, хотя бы из-за конкуренции между собой: как издатели могут объединиться в единую коллективную платформу? С помощью хакеров, скрытно или с внутренней помощью в неизвестном числе учреждений, Sci-Hub просто объединяет ресурсы многих университетов в одну большую базу данных. Когда ученые пытаются пробить стену, потому что какой-то документ недоступен локально, многие из них обращаются к Sci-Hub, только из-за разочарования. Между прочим, это разочарование — точная мера расстояния между коммуникационными потребностями исследователей и экономическими потребностями издателей.

Исследователям нужна хорошая система связи, и Sci-Hub представляет собой конкретный пример того, как могла бы выглядеть такая система, если бы все было бесплатно. Но исследователи также нуждаются в способах управления видимостью, авторитетностью и престижем. Вопрос, который мы должны задать, заключается в том, *должна ли система научной связи и репутационная система науки и образования быть одной и той же.*

Нынешняя система научных связей, как мы видели ранее, объединяет общение и оценку через статус журнала. Издатели не продают авторов; они продают журналы. Но, по очевидной причине, авторы не могут быть полностью исключены из уравнения, и издатели, благодаря импакт-фактору, сумели связать свою судьбу с судьбой журналов. Система оценки качества автора по репутации журнала полностью соответствует этой закономерности. Это усиливает привилегированный статус журналов, и гарантирует, что система научных связей в конечном счете будет обслуживать систему журналов, а не наоборот. Нам говорят, что бизнес-модель APC-ОА применяемая к журналам, как отмечалось ранее, просто добавляет необходимую безопасность авансовых платежей: инвесторы сильно не любят неопределенность. Она не оспаривает связь между научным общением и рейтинговой оценкой.

Из всего, что рассматривалось, становится очевидным, что действительно необходимый вид открытого доступа должен отделять общение от оценки. И разделение может быть легче достигнуто, если принять заявление о том, что две функции, коммуникации и оценки, не должны рассматриваться различными субъектами. Напротив, и с помощью нескольких гарантий эти функции могут быть оставлены в управлении одним учреждением. Например, если вернуться к примеру сети OpenAIRE, она может легко появиться как мощный инструмент для облегчения всех видов общения между исследователями. В то же время, когда она экспериментирует с открытым экспертным обзором, анализом текста и данных, кластеризацией и т.д., разрабатываются новые инструменты оценки. В самом деле, OpenAIRE может обрабатывать обе задачи параллельно, но не объединяя их, и не пытаясь использовать одну для продажи другой. В конечном итоге качество любой работы можно найти в прямом изучении самой работы, точно так же, как Марк Уолпорт четко заявил в 2003 году в Бетесде; качество связи, со своей стороны, должно оцениваться как общая характеристика сети, а не как прокси для качества ее содержимого. Другими словами, нет необходимости пытаться связать проблемы, относящиеся к пропускной способности, с качеством передаваемой информации. Количество цитат, которые часть работ собирает в других частях работ, указывает на плотность связей между результатами исследований, и ничего больше. Эта плотность соединений обусловлена множеством причин, по которым все понимают, что такое видимость. Однако видимость и качество - две совершенно разные переменные. Короче говоря, результаты научных исследований не должны оцениваться по критериям, применимым к видимости музыки или фильмов. На самом деле, даже в фильмах популярность не всегда сочетается с качеством.

За последние пятнадцать лет сторонники открытого доступа стремились указать на области успеха. В первые годы упора на легко достижимые цели приближение открытого доступа часто казались «достаточно хорошими» и воспринимались как формы успеха. Они способствовали энергии движения. Однако следует проявлять осторожность. Например, когда недавно появились суждения о том, что Elsevier является крупнейшим издателем открытого доступа в мире, Хизер Моррисон быстро указала на тревожные элементы в развивающемся ландшафте: «Открытый доступ Elsevier, - утверждает она, - предполагает обманчивую (преднамеренную или нет) практику номинального авторского права, которая по сути является передачей авторских прав».

Тем не менее, многие сторонники открытого доступа будут утверждать, что некоторый прогресс лучше, чем никакой. Сформулированный таким образом аргумент кажется убедительным. Однако есть много способов

«софистирования» цели. Утонченный человек может казаться культурным и миролюбивым; однако этимология слова раскрывает нечто гораздо менее приемлемое: полученный из софистики, этот термин впервые был использован для описания лекарств, которые были испорчены, как правило, по причинам, связанным с варварами. Предпочитая некоторый ущербный открытый доступ (ОА) без аутентичного, мы в лучшем случае обманываем себя; в иных случаях - обманываем других. Выходя за пределы ВОАI, мы должны помнить об этой опасности.

V

Вывод

За пятнадцать лет, которые отделяют нас от ВОАI 2002 года, судьба Open Access заметно изменилась: из небольшого и маргинального движения он занял центральное место в дебатах между издателями, библиотекарями, финансирующими агентствами, исследователями и профессурой. Позиции изменились до такой степени, что многие издатели, включая все крупные и важные, теперь активно продвигают форму открытого доступа или что-то вроде этого. Такие развороты, поразительные сами по себе, особенно среди влиятельных издателей, свидетельствуют о том, что сейчас на карту поставлено само формирование открытого доступа. В частности, продвижение издателями Open Access, представленное в виде Gold, но ограничивающее себя APC-Gold, представляет собой четкое указание на то, что битва вокруг Open Access была по-новому изменена: кооперируется ли открытый доступ с системой научных связей, которая может помогать науке, или это бизнес-модель, маскирующаяся как ОА, призванная укрепить позиции некоторых издателей.

Один простой критерий позволяет безошибочно указывать на центральную проблему: кто что контролирует? И если окажется, что контроль научной коммуникации ускользает от исследовательских сообществ, насколько это угрожает испортить саму природу научных связей. С точки зрения развивающихся или отстающих стран, т.е. с точки зрения примерно 80% человечества, ответ ясен. Нахождение сложного подхода к определенным направлениям исследований, получение признания того, что такая работа заслуживает внимания, является общим для многих исследователей во многих частях мира. Забытые болезни, проблемы сельского хозяйства, оставшиеся без хороших решений, являются частью ситуации, когда автономия для разработки своей исследовательской программы сильно ограничена.

В более богатых странах ситуация другая, но она создает свои собственные искажения. По сути, сеть мощных исследовательских учреждений помогает

популяции редакторов и редакций большого, но не исчерпывающего числа научных журналов в мире. В основном это журналы, индексируемые в Web of Science или в Scopus. Вместе эти журналы занимают бесконечную систему конкуренции, которая должна активизировать исследования в глобальном масштабе и служить ее внутренним целям. В действительности система действует как система давления, которая в богатых странах удерживает армии ученых в очереди. Выбор конкретного журнала с его специфическим импакт-фактором имеет какое-то отношение к возможностям и продвижению по службе, а не к качеству. Приспособление себя, а также коллектива в силовом поле этих журналов - это то, как человек управляет карьерой, продвигается в ней или просто выживает в игре, определенной таким образом. Дело в том, что оценка основывается на импактах журналов. Независимо от того, должна ли система научной связи и репутационная система науки быть одним и тем же, это основной вопрос, который должен быть выявлен, обсужден и в конечном итоге заменен другой структурой. Наука нуждается в двух независимых слоях. В первом случае оптимальное распространение научных знаний может быть разрешено свободно. Назовите это «сетевым нейтралитетом» Интернета разума. На вторых уровнях процесс оценки может продолжаться, как и следовало бы, в отношении ценностей и целей самих исследовательских сообществ, а не от манипулируемых показателей, которые предпочитают издатели.

Нынешний статус журналов – фактически непомерная привилегия - позволяет объединить экономическую и интеллектуальную ценность вместе. Более того, выражая это упрощенно с помощью одной метрики, импакт-фактора, он становится универсальным инструментом принятия решений от простого кандидата наук до лауреата Нобелевской премии, от университетских администраторов до библиотекарей, от специалистов по научной политике до лидеров финансирующих агентств, все это для большей пользы издательской индустрии. Импакт-фактор также усугубляет конкуренцию на всех уровнях, достигая намного большего, чем требуется для оптимального благополучия научного предприятия. Все чаще появляются неаккуратные результаты, подпорченные исследования, обман и недостоверные данные. Это признаки, которые нельзя игнорировать.

Оценивая различные формы, которые может принять Открытый доступ, необходимо учитывать здоровье системы научных связей и размещать ее в самом центре. Наблюдая за развитием открытого доступа, в его центре также должны быть мощные эффекты цифровой культуры и сетей. Ни в коем случае экономические интересы не должны препятствовать полному потенциалу свободной коммуникационной системы, разработанной и предназначенной для оказания помощи человечеству - всему человечеству - вырастить знания. Главной задачей остается развязывание всей силы

распределенной системы человеческого интеллекта. Открытый доступ (хорошо подготовленный открытый доступ, то есть) стоит в самом сердце. Это то, что выходит за рамки ВОАИ.

Open Access:

Toward the Internet of the Mind

Jean-Claude Guédon¹